

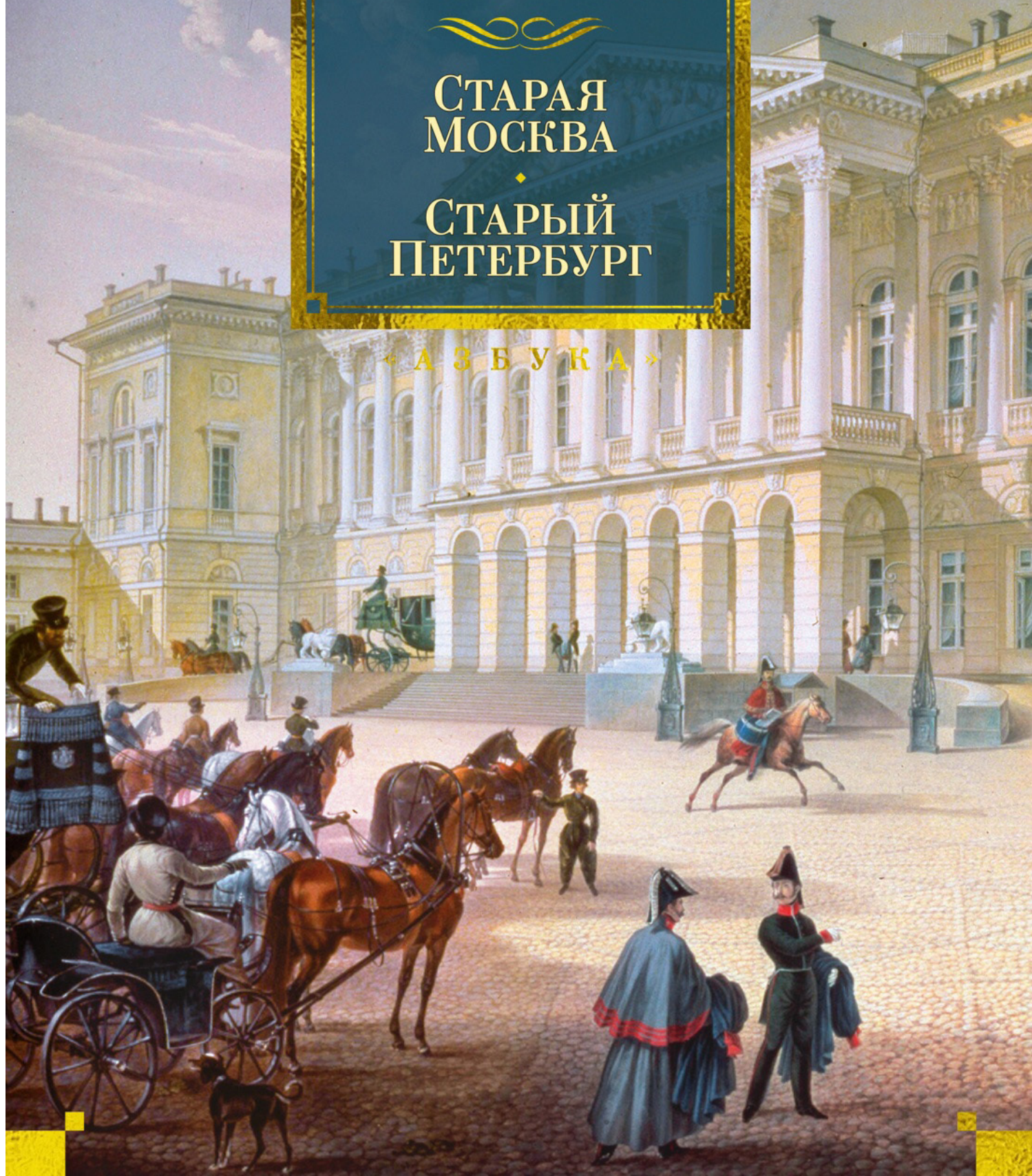
БОЛЬШИЕ NF КНИГИ

Михаил Пыляев

СТАРАЯ
МОСКВА

♦
СТАРЫЙ
ПЕТЕРБУРГ

«АЗБУКА»

Non-Fiction. Большие книги

Михаил Пыляев

Старая Москва. Старый Петербург

«Азбука-Аттикус»

1891, 1887

УДК 908(470+571)
ББК 26.89

Пыляев М. И.

Старая Москва. Старый Петербург / М. И. Пыляев — «Азбука-Аттикус», 1891, 1887 — (Non-Fiction. Большие книги)

ISBN 978-5-389-24150-3

Михаил Иванович Пыляев (1842–1899) родился в Гдове, учился в Санкт-Петербурге, слушал лекции в Харьковском университете, много путешествовал, в том числе по Сибири и Кавказу, по Турции и Египту. В столичных изданиях Михаил Пыляев публиковал статьи по истории театра и балета, обзоры художественных выставок, писал о событиях культурной жизни Санкт-Петербурга. В 1879 году несколько статей о петербургской старине положили начало будущим сборникам «Старый Петербург. Рассказы из былой жизни столицы» и «Старая Москва. Рассказы из былой жизни первопрестольной столицы», снискавшим автору славу тонкого знатока истории. Для нас сочинения Михаила Пыляева остались зачастую единственным источником фактов, почерпнутых автором из частных архивов, впоследствии утраченных. Но и сами по себе эти чрезвычайно обаятельные повествования, своеобразные путеводители по минувшим дням двух российских столиц, даже более века спустя заслуженно пользуются любовью читателей. В формате PDF A4 сохранён издательский дизайн.

УДК 908(470+571)

ББК 26.89

ISBN 978-5-389-24150-3

© Пыляев М. И., 1891, 1887

© Азбука-Аттикус, 1891, 1887

Содержание

Старая Москва. Рассказы из былой жизни первопрестольной столицы	7
От автора	7
Глава I	9
Глава II	27
Глава III	39
Глава IV	48
Глава V	61
Конец ознакомительного фрагмента.	69

Михаил Пыляев

Старая Москва. Старый Петербург

Подбор иллюстраций Екатерины Мишиной

© ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“», 2015

Издательство АЗБУКА®

Старая Москва. Рассказы из былой жизни первопрестольной столицы

От автора

Настоящая книга составлена мною по тому же плану, как и ранее изданные сочинения мои «Старый Петербург» и «Забывтое прошлое окрестностей Петербурга». Я не имел в виду написать полную историю Москвы, а лишь собрал здесь устные сказания современников и те сведения о ней, которые рассеяны в русских и иностранных сочинениях и которые рисуют преимущественно быт и нравы первопрестольной столицы в прошлом и начале нынешнего столетия.

Многие из рисунков, воспроизведенных в настоящем издании, появляются в печати в первый раз и заимствованы главным образом из богатого и всегда радушно открытого для занимающихся драгоценного собрания гравюр П. Я. Дашкова.

Вид на Москву с балкона Кремлевского дворца в сторону Москворецкого моста. Гравюра Ф. Лорие (?) по рисунку Ж. Делабарта. 1797. Фрагмент

Глава I

Москва при Екатерине II. – Улицы и мостовая. – Рогатки и фонари. – Характеристика высшего общества того времени. – Роскошь нарядов, экипажей и пр. – Модный молодой человек. – «Новоманерные петербургские слова». – Великосветский жаргон. – Тетушка Петровской эпохи. – Жизнь на улицах в праздники. – Кулачные бои. – Место народных гуляний. – Рысистые бега. – Святочные катанья по городу. – Полицеймейстер Эртель и граф А. Орлов. – Праздники в Москве во время коронации Екатерины II. – Поездка царицы на поклонение мощам святителя Сергия. – Описание торжеств в лавре. – Уличный маскарад. – «Торжествующая Минерва». Авторы этого зрелища: Волков, Сумароков и Херасков. – Характеристика А. П. Сумарокова и Хераскова. – Церковь Св. Кира и Иоанна в память восшествия императрицы на престол. – Павловская больница. – Проект Воспитательного дома. – Постройка здания. – Пожертвования П. А. Демидова. – Чудачества Демидова. – Переписка с Бецким. – Благотворительная деятельность последнего.

Москва при императрице Екатерине II жила еще верная преданиям седой старины. По рассказам современников, в ней можно было найти много такого, до чего еще не коснулась эпоха преобразований Петра Великого.

Старина в Москве сохранялась не только в общественном быту, но и во внешнем устройстве города.

Москва при Екатерине II представляла несколько сплошных городов и деревень. Сама государыня, когда говорила про Москву, то называла ее «сосредоточием нескольких миров».

Имя города Москве давали только каменные стены Кремля, Китая и Белого города. Настоящий же город строился не по плану заморского зодчего, а по прихоти каждого домохозяина; хотя Бантыш-Каменский в биографии князя В. Голицына и говорит, что в угоду этому боярину было построено в Москве до 3000 каменных домов, но вряд ли это было на самом деле. Улицы были неправильные, где чересчур узкие, где не в меру уже широкие, множество переулков, закоулков и тупиков часто преграждались строениями.

Дома разделяли иногда целые пустоши, иногда и целые улицы представляли не что иное, как одни плетни или заборы, изредка прерываемые высокими воротами, под двускатной кровлей которых виднелись медные восьмиконечные кресты, да и о жизни на дворах давали знать лаем одни псы в подворотнях.

Дома богатых людей ютились на широких дворах в кущах вековых деревьев; здесь царствовало полное загородное приволье: луга, пруды, ключи, огороды, плодовые сады.

К богатым барским усадьбам прилежала большая часть густо скученных простых деревенских изб, крытых лубком, тесом и соломой. На улицах существовала почти везде невылазная грязь и стояли болота и лужи, в которых купалась и плескалась пернатая домашняя птица.

Большая часть улиц не была в те времена вымощена камнем, а по старому обычаю мощена была фашинником¹ или бревнами. Такие улицы еще существовали в Москве до пожара 1812 года. Грязь с московских улиц шла на удобрение царских садов, и ежегодно это удобрение туда свозилось по несколько сот возов². Насколько непроходимы были улицы Москвы от грязи, видно из того, что иногда откладывались в Кремле крестные ходы.

Мостить улицы камнем стали в Москве с 1692 года, когда Петр Великий издал указ, по которому повинность мостить камнем московские улицы разложена была на все государство³. Сбор дикого камня распределен по всей земле: с дворцовых, архиерейских, монастырских и со

¹ Фашинник – хворост, пучки которого применяются для укрепления дорог.

² См. И. Забелина «Домашний быт русских царей». «Отеч. Зап.», 1851 г., № 3.

³ См. «Хроника общественной жизни в Москве», ст. И. Забелина, с. 7.

всех вотчин служилого сословия, по числу крестьянских дворов, с десяти дворов один камень, мерою в аршин, с другого десятка – в четверть, с третьего – два камня, по полуаршину, наконец, с четвертого десятка – мелкого камня, чтобы не было меньше гусяного яйца, мерою квадратный аршин. С гостей и вообще торговых людей эта повинность была разложена по их промыслам. Все же крестьяне, в извозе или так приезжавшие в Москву, должны были в городских воротах представлять по три камня ручных, но чтоб меньше гусяного яйца не было.

На ночь большие улицы запирались рогатками; у которых сторожа были из обывателей, рогатки вечером ставились в десять часов, а утром снимались за час до рассвета. Сторожа при рогатках стояли иные с оружием, другие же с палками или «грановитыми дубинами». При опасностях сторожа били в трещотки.

Первые рогатки в Москве учреждены были при Иоанне III, в 1504 году; у них стояли караулы и никого не пропускали без фонарей; за пожарами наблюдала полиция с башенок, называемых тогда лантернами; последние устраивались над съезжими дворами. Первые фонари в Москве были зажжены осенью 1730 года, во время пребывания двора в Москве; поставлены они были на столбах, один от другого на несколько сажен; фонари были в первое время слюдяные.

Некоторым обывателям, у которых окна выходили на улицу, позволялось ставить на окнах свечи; как последние, так и фонари горели только до полуночи. В 1766 году всех фонарей на столбах было 600; в 1782 году фонарей было уже 3500 штук, а в 1800 году фонарей в Москве стояло до 6559 штук. Каждый фонарь в первое время по постановке обошелся казне по одному рублю. На больших улицах расставлены фонари были чрез 40 сажен; по переулкам, от кривизны их, против этого вдвое.

В екатерининское время московское высшее общество было далеко не на высокой ступени умственного и нравственного развития – под золотыми расшитыми кафтанами таились старинные грубые нравы.

Такие противоречия заставили литераторов того времени выступить с обличительным протестом против нравов высшего общества, где на первом плане была только одна мода. По требованиям моды роскошь в костюмах доходила до крайностей: бархат, кружева и блонды⁴, серебряные и золотые украшения считались необходимыми принадлежностями туалета. Кафтаны носились с золотым шитьем и с золотым галуном, и не носить такого кафтана для светского человека значило быть осмеянным. Щеголь должен был иметь таких дорогих кафтанов по нескольку и как можно чаще переменять, шубы были бархатные, с золотыми кистями; на кафтанах тоже подле петель привешивались иногда кисти, а на шпаге ленточка; манжеты носились тонкие кружевные, чулки носили шелковые со стрелками, башмаки с красными или розовыми каблуками и большими пряжками; имели при себе лорнет, карманные часы, по нескольку золотых, иногда осыпанных бриллиантами табакерок с миниатюрными портретами красавиц или с изображением сердца, пронзенного стрелой, и другие драгоценные безделки; на пальцах множество колец, а в руках трость.

Но особенное внимание щеголей было обращено на головную уборку: завивание волос, пудру и парики. Убрать голову согласно с требованиями светских приличий как для мужчин, так и для женщин было хлопотливое и нелегкое искусство. Волосы были завиваемы буколь в двадцать и более, щеголи просиживали за таким занятием часа по три и по четыре. Кудри завивали наподобие «заливных труб и винных бочонков», как острил журнал «Пустомеля».

Вот как, по свидетельству сатирических листков, проводил свое время модный молодой человек, носивший в екатерининское время названия щеголя, вертопраха и петиметра⁵. «Проснувшись он в полдень или немного позже, первое мажет лицо свое парижскою мазью,

⁴ Блонды – шелковое кружево.

⁵ Петиметр – молодой франт, вертопрах.

натирается разными соками и кропит себя пахучими водами, потом набрасывает пудремань и по несколько часов проводит за туалетом, румяня губы, чистя зубы, подсурмливая брови и налепливая мушки, смотря по погоде петиметрского горизонта. По окончании туалета он садится в маленькую, манерную карету, на которой часто изображаются купидоны со стрелами, и едет вскачь, давя прохожих, из дома в дом».

В беседе с щеголихами он волен до наглости, смел до бесстыдства, жив до дерзости; его за это называют «резвым ребенком». Признание в любви он делает всегда быстро; например, рассказывая красавице о каком ни на есть любовном приключении, он вдруг прерывает разговор: «Э! кстати, сударыня, сказать ли вам новость? Вить я влюблен в вас до дурачества» – и бросает на нее «гнилой взгляд». Щеголиха потупляется, будто ей стыдно, петиметр продолжает говорить ей похвалы.

После этого разговора щеголиха и петиметр бывают несколько дней безумно друг в друга влюблены. Они располагают дни свои так, чтобы всегда быть вместе: в «серинькой»⁶ ездим в английскую комедию, в «пестринькой» бываем во французской, в «колетца» – в маскараде, в «медный таз» – в концерт, в «сайку» – смотрим русский спектакль, в «умойся» – дома, а в «красное» – ездим прогуливаться за город. Таким образом петиметр держит ее «болванчиком» до того времени, как встретится другая.

На жаргоне петиметров было много слов, буквально переведенных с французского языка; такие слова назывались «новоманерные петербургские слова». Современная комедия не раз осмеивала этот язык. «Живописец» Новикова приводит интересные образцы этого модного щегольского наречия.

Например, слово «болванчик» было ласкательное – его придавали друг другу любовники, оно значило то же, что *idole de mon âme*⁷; «Ах, мужчина, как ты забавен! Ужесть, ужесть! Твои гнилые взгляды и томные вздохи и мертвого рассмешить могут». Маханьем называлось волокитство. «Ха, ха, ха! Ах, монкер⁸, ты уморил меня!» – «Он живет три года с женою и по сю пору ее любит!» – «Перестань, мужчина, это никак не может быть, три года иметь в голове своей вздор!». «Бесподобно и беспримерно» в особенном новом смысле, например: «Бесподобные люди! Она дурачится по-дедовски и тем бесподобно его терзает, а он так темен в свете, что по сю пору не приметил, что это ничуть не славно и совсем неловко; он так развязен в уме, что никак не может ретироваться в свете». На простом языке эти странные слова без смысла обозначали следующее: «Редкие люди! Она любит его постоянно, а он совсем не понятлив в щегольском обхождении и не понимает того, что постоянная любовь в щегольском свете почитается тяжкими оковами; он так глуп, что и сам любит ее равномерно».

Разговоры между дамами и мужчинами преимущественно касались любовных похождения, страстных признаний и сплетен двусмысленного содержания о разных знакомых лицах; волокитство было и общим развлечением, и целью. При такой снисходительности всякая шалость, прикрытая модою, почиталась простительною. Нежная, предупредительная любовь между мужем и женою на языке модного света называлась смешным староверством. Торжество моды было тогда, если муж и жена жили на две отдельные половины и имели свой особенный круг знакомых: жена была окружена роем поклонников, а муж содержал «метрессу»⁹, которая стоила больших денег.

Но, несмотря на приведенные нами крайности, порожденные французским влиянием, в тогдашнем московском обществе еще много сохранялось старины. Сатирические журналы

⁶ Модные названия дней недели: «серинькой» – понедельник, «пестринький» – вторник, «колетца» – среда, «медный таз» – четверг, «сайка» – пятница, «умойся» – суббота, «красное» – воскресенье.

⁷ Кумир моей души (*фр.*).

⁸ Монкер (*фр.* *mon cœur*) – сердце мое.

⁹ Метресса – любовница.

рисуют этих представителей старины, разумеется, в карикатуре, и на них нельзя опираться как на документы. Но в известной степени их показания все-таки заслуживают внимания.

Во «Всякой всячине», например, описывается визит молодого племянника у старой тетки: «Не успел последний войти к ней и поклониться, как она закричала на него: „Басурман, как ты в комнаты благочинно войти не умеешь?“ Я извинился, говоря, что я так спешил к ней подойти, что позабылся. Она глядела на него нахмурившись, в комнате было темно, тетка сидела на кровати, племянник хотел поцеловать ее руку, но тут встретил непреодолимые препятствия. Между ними находились следующие одушевленные и неодушевленные предметы. У самой двери стоял, направо, большой сундук, железом окованный; налево множество ящиков, ларчиков, коробочек и скамеечек барских барынь. При конце узкого прохода сидели на земле рядом слепая между двумя карликами и две богадельницы. Перед ними, ближе к кровати, лежал мужик, который сказки сказывал; далее странница и две ее внучки – девушки-невесты, да дура. Странница с внучками лежали на перинах; у кровати занавесы были открыты, вероятно от духоты, ибо тетушка была одета очень тепло: сверх сорочки она имела лисью шубу. Несколько старух и девок еще стояло у стен для услуг, подпирая рукою руку, а сею щеку. Их недосуги живо изображало растрепанное убранство их голов и выпачканное платье. Племянник так и не достиг со своим поклоном к тетке, он передавил человек пять и перебил множество посуды и в конце концов был очень рад, что кой-как выскочил поздорову из комнаты своей родственницы».

Если можно было встретиться с таким образом жизни в дворянском быту, то еще проще была в то время жизнь посадских людей и простолюдинов.

Например, когда богатый человек едал на серебре десятки кушаньев, простолюдин ел хлеб пополам с соломой, лебедой, спал прямо на полу в дыму с телятами и овцами, а летом и осенью простой народ прямо спал на улицах; на Москве-реке и Яузе мылись лица обоего пола прямо открыто на воздухе; стирали свое белье. Ниже мы прилагаем изображение Серебрянских бань на реке Яузе – бани эти существовали еще в XVI столетии. В виду этих бань в приходе Николы в Воробьино стоял некогда родовой дом драматурга А. Н. Островского. Здесь талантливый писатель написал целый рой своих неувядаемых комедий. Теперь в доме Островского открыто распивочное заведение и как раз, где помещался письменный стол бессмертного художника, стоит стойка кабатчика. Описывая картину тогдашнего уличного быта, мы находим, что на «Вшивом рынке» собиралась целая толпа мужчин, которые там стриглись, и от этого рынок был постоянно устлан волосами, будто ковром.

Посадские и простой народ летом ходили в халатах или рубахах, а зимою носили тулупы, крытые китайкою или нанкою¹⁰; летом на головах имели круглые шляпы и картузы, а зимою шапки и меховые картузы. Отличительный наряд женщины простого сословия было покрывало, которое называлось накидкой. Накидки обыкновенно были ситцевые, но зажиточные носили «канаватные»¹¹ с золотом – бывали такие накидки ценою по сту рублей и более; выйти без такой накидки из дому почиталось за стыд; обыкновенная одежда баб состояла из рубашки с широкими рукавами и узенькими запястьями.

У пожилых женщин был у рубашек высокий ворот и широкий воротник, юбка и душегрейка или шушун – последние были разных покроев; голову повязывали платком. В старину все купчихи носили юбки и кофты, а на головах платки; последние были парчовые, глазетовые¹², тканые, с золотыми каймами, шитые золотом, битые канителью¹³; бывали платки по сту и более рублей; дамы, как в богатых, так и в бедных домах, носили бумажные вязаные колпаки.

¹⁰ *Китайка* – старинная плотная, обычно синего цвета, ткань, сначала шелковая, которую привозили из Китая, позднее хлопчатобумажная, российского производства. *Нанка* – грубая хлопчатобумажная ткань, обычно желтого цвета.

¹¹ *Канават* – старинная шелковая ткань.

¹² *Глазет* – парча с шелковой основой и гладким серебряным или золотым тканым узором.

¹³ Отделанные тонкой серебряной или золотой нитью.

По праздникам же выходили на улицу в дорогих кокошниках, украшенных жемчугом и драгоценными камнями; на шее было «перло» (жемчужная нитка).

В праздничные дни все женщины являлись на улицу – старые садились на скамейках или на «завалинках» у ворот и судачили, молодые качались на улицах на качелях и досках. Зимой катались женщины и мужчины на коньках по льду, также катались на салазках с гор.

В Китай-городе, позади Мытного двора, была устроена такая катальная гора известным Ванькой Каином; она долго после него носила название Каиновой. Зимой народ также в праздничные дни собирался на льду на кулачные и палочные бои. Охотники собирались в партии и таким образом составляли две враждебные стороны. По свисту обе стороны бросались друг на друга и бились жестоко, многие выходили навек из битвы изуродованными, других выносили мертвыми.

Вступая в единоборство, кулачные бойцы предварительно обнимались и троекратно целовались. В екатерининское время на Москве кулачным ратоборством славился половой из певческого трактира Герасим, родом ярославец; это был небольшого роста мужик, плечистый, с длинными мускулистыми руками и огромными кулаками.

Этого атлета где-то отыскала княгиня Е. Р. Дашкова и рекомендовала чесменскому герою графу Орлову; последний был большой охотник до таких ратоборств. В зимнее время знаменитые кулачные бои составлялись под старым Каменным или Троицким мостом, под которым была мельница, и речка Неглинная для этого запружалась; от запрудки здесь образовывался широкий пруд, почти во всю длину теперешнего верхнего кремлевского сада. В кулачных боях принимало участие и высшее тогда дворянское сословие. В дни, когда не было боев, охотники до рысаков потешались на борзых конях, в маленьких саночках либо в пошевнях¹⁴.

Здесь же об Масленице строились горы, балаганы (комедии) и было народное гулянье, где знать московская, чиновники и горожане с своими семействами проезжали кругом гулянья, простые же люди катывались с гор; женщины толпились около комедий и шатров бакалейных. Молодежь же фабричная собиралась в то время на подгородках и билась на кулачки. Подгородками назывались два места на берегах той же Неглинной, одно выше Курятного, или Воскресенского, моста, под стеною Китая-города, по левому берегу Неглинной до старого пушечного, или полевого, двора, или место, где теперь стоят Челышева бани и где фонтан с площадью; все это пространство называлось верхним подгородком.

Другой, нижний подгородок был на месте нынешнего нижнего кремлевского сада, что между Троицкими и Боровицкими воротами. Ни по тому, ни по другому подгородку проездов не было. Чаще же охотники до рысистого бега выезжали кататься по набережной Москвы-реки, от Устинского Неглинного моста до Москворецкого, где теперь старая кремлевская набережная, либо в село Покровское, или за Москву-реку на Шабаловку, потому что набережная в то время, не мощенная и не обложенная камнем, была малопроезжа и потому просторна для рысистого бега.

Улицы Покровского села, Старой Басманной и Шабаловки всегда были широки, длинны, просторны, гладки и без ухабов и бойков, которые по проезжим улицам Москвы выбивались обозными лошадьми, обыкновенно идущими одна за другою вереницею и ступая одна за другою след в след.

Рысистая охота гоняться друг за другом в то время жила только в купеческом сословии. Ездили купцы обыкновенно в одиночку на легких козырных санках с русской упряжью; резвых рысаков в то время называли «катырями»; ни красота статей, ни порода не принимались в расчет, требовалась одна резвая рысь, скачье осмеивалась.

Чиновная знать и дворяне-помещики катались по всем лучшим московским улицам в городских санях каретной работы на манежных кургузых лошадях с немецкою упряжью. Сани

¹⁴ *Пошеви* – широкие сани, внутри обшитые лубом.

были богатой нарядной отделки с полостями, с кучерскими местами и запятками, на которых стояли лакеи или гусары, а иногда и сами господа.

Сани бывали двухместные, большие с дышлами, запрягались парой, четвернею, иногда и шестернею цугом. Бывали и особенные беговые сани-одиночки, без кучерского места; у них была на запятках сидейка, на которой сидел верхом человек. Эти санки наружно отделявали пышно, с бронзой или в серебре, внутри обивали ярким трипом¹⁵, полость такого же цвета, подпушенная мехом; оба полоза своими загнутыми головами сходились вместе на высоте аршин двух от земли и замыкались какою-нибудь золоченою либо серебряною фигурой, например головою Медузы, Сатира, льва, медведя с ушами сквозными для пропуска вожжей. Лошадь была манежная кургузая, в мундштуке с кутасами¹⁶ и клапанами, в шорах с постромками, впрягалась в две кривые оглобли, с седелкою, без дуги.

Охотник садился в барское место, сам правил вожжами, на запятках сидел верхом гусар, держал легкий бич, щелкал по воздуху и кричал: «Поди, поди, берегись!» Такие святочные катанья продолжались до 1812 года.

Проездки и кулачные потехи на пруду существовали только до 1797 года; в этом году мельница под каменным Троицким мостом уничтожена, Неглинный пруд спущен, горы с комедиями переведены на Москву-реку, к Воспитательному дому. По Кремлевскому берегу, который до этого был в природном виде, стали от самого каменного до деревянного Москворецкого выводить из камня набережную. Да притом в это время поступивший новый обер-полицеймейстер Эртель строго запретил на улицах скорую езду.

Почти в эти же года приехал в Москву на постоянное свое житье чесменский герой граф А. Г. Орлов, устроил свой бег под Донским и начал кататься в легких беговых саночках, с русскою упряжью, как ездят и теперь. Вся московская знать стала искать с ним знакомства и с его позволения стала выезжать к нему на бег, строго подражая ему в упряжке, и с этого времени немецкие нарядные санки стали свозиться в железный ряд на Неглинную как старье, и тут в пожар 1812 года они сгорели чуть ли не все. В летнее время охотники до конского бега из купеческого сословия выезжали на Московское поле, между заставами Тверскою и Пресненскою, либо на Донское поле, что было между улиц Серпуховскою и Шабаловскою; оба эти места были песчаны, широки и малопроезжи.

Охотники катались на дрожках-волочках – это были те же беговые дрожки, только пошире, на железных осях, без переднего щитка. Эти волочки и послужили графу Орлову образчиком для беговых дрожек теперешнего вида. В двадцатых годах нынешнего столетия появился для такого катанья новый вид дрожек, который у извозчиков слыл под именем «калиберца».

В тридцатитрехлетнее царствование Екатерины II Москва видела много веселых и тяжелых дней. Веселые дни начались с приездом императрицы для коронации 13 сентября 1762 года¹⁷. В этот день состоялся торжественный въезд государыни.

Улицы Москвы были убраны шпалерами из подрезанных елок, на углах улиц и площадях стояли арки, сделанные из зелени с разными фигурами.

Дома жителей были изукрашены разноцветными материями и коврами. Для торжественного въезда государыни устроено несколько триумфальных ворот: на Тверской улице, в Земляном городе, в Белом городе, в Китай-городе Воскресенские и Никольские в Кремле.

У последних триумфальных ворот встретил Екатерину II московский митрополит Тимофей с духовенством и сказал императрице поздравительную речь. Въезд государыни был

¹⁵ *Трип* – шерстяной бархат.

¹⁶ *Кутас* – шнур с кистями, бахромчатое украшение.

¹⁷ Описание коронации императрицы Екатерины II взято из имеющейся у нас рукописи того времени.

необыкновенно торжествен, Екатерина ехала в золотой карете, за ней следовала залитая золотом свита. Клики народные не смолкали.

Чин коронования¹⁸ происходил в воскресенье; стечение народа в Кремль началось еще накануне, хотя в тот день шел большой дождь; в день же коронования утро было пасмурно, но к вечеру погода разгулялась. По первому сигналу из двадцати одной пушки в 5 часов утра все назначенные к церемонии персоны начали съезжаться в Кремлевский дворец, а войска построились в 8-м часу около соборной церкви и всей Ивановской площади.

В 10-м часу затрубили трубы и забили в литавры, и по этому сигналу двинулась процессия в церковь. Государыня между тем, во внутренних своих покоях приготовившаяся к священным таинствам – миропомазанию и причащению, вошла в большую аудиенц-камеру, куда уже все регалии из сенатской камеры принесены были и положены на столах по обе стороны трона.

Когда все государственные чины собрались, императрица села под балдахин в кресла свои. В это время духовник государыни, Благовещенского собора протопоп Феодор, стал кропить святою водою путь государыни.

Как только государыня из дворца вышла на Красное Крыльцо, начался звон во все колокола и военная салютация. При приближении к соборным дверям государыню встретил весь церковный синклит¹⁹, до двадцати архиереев и более сорока архимандритов во главе с архиепископом Новгородским, который поднес государыне для целования крест; митрополит Московский окропил святою водою. Государыня села на приготовленный ей престол.

В это время она надела на себя порфиру²⁰ и орден Андрея Первозванного, а когда возложила на себя корону, то на Красной площади произведена была стрельба. После этого все чины двора принесли ей поздравление, а новгородский архиепископ Димитрий сказал ей поздравительное слово.

Выход из храма был не менее торжествен – все войска при виде государыни в короне и порфире производили салютации. Государыня пошла в Архангельский собор, где поклонилась усопшим предкам, после этого в Благовещенский собор и там приложилась к святым мощам и затем возвратилась во дворец.

Императрица Екатерина в своей аудиенц-камере села под балдахин и жаловала многих разными милостями. Потом царица отправилась в Грановитую палату, где происходил обед.

Во время стола исполнялся концерт на хорах, вокальный и инструментальный. По окончании стола государыня возвратилась в свои покои, и в тот день ничего более не происходило. При наступлении ночи весь дворец Кремлевский и все публичные строения, как и колокольня Ивана Великого, были иллюминированы.

В полночь государыня вышла инкогнито на Красное Крыльцо и любовалась на иллюминацию. В эту ночь, по словам очевидца, вся Москва пылала огнями; на выстроенных ко дню приезда государыни триумфальных воротах горели разные щиты: на одном был представлен гелиотроп (цвет, подобный солнцу), а под ним гора с надписью: «От всего мира видима буду»; на других виднелся меч с надписью: «Закон управляет, меч защищает»; на других воротах представлен орел, держащий в когтях громовые стрелы, надпись гласила: «Защитение величества»; на других виднелся царский жезл с надписью: «Жезл правости, жезл царствия твоего»; на других был изображен вензель Екатерины, поддерживаемый ангелами, а под ним Россия, с надписью: «Слава Богу, показавшему нам свет»; на порталах изображена была радуга с надписью: «Предвестие вѣдра»; на следующих четыре части света, из которых Европа «особливо

¹⁸ Государыня выехала из Петербурга почти инкогнито 1 сентября и прибыла в Подмоскowie, в село Петровское, 9 сентября. На переезд государыни из Петербурга потребовалось 19 000 лошадей и около 80 000 народа.

¹⁹ *Синклит* – собрание высокопоставленных лиц.

²⁰ *Порфира* – пурпурная мантия монарха.

весело себя оказывала». Повсюду виднелись крылатые «гениусы» и «фамы», «которые в трубы поздравление говорили».

В довершение всего этого напротив самого Кремля, к Замоскворечью, был сожжен великолепный фейерверк.

На шестой день после коронации Екатерина II дала праздник для народа. Народное празднество происходило на Красной площади и на Лобном месте.

В день праздника по улицам разъезжали торжественные колесницы, украшенные резною позолотой, на которых стояли жареные быки, лежали пирамидами дичь и разного сорта хлеб. За этими колесницами тянулись роспуски, установленные посеребренными и позолоченными бочками меда и пива.

На Красной площади стояло множество столов с различными яствами. Там же были устроены фонтаны, которые били красным и белым вином. Тоже и на некоторых перекрестках главных улиц были столы для бедных, где их угощали закусками и питьями.

Близ Кремля к этому дню были разбиты шатры, украшенные разноцветными флагами, где раздавались пряники и разные сладости народу.

В других местах возвышались балаганы и амфитеатры, где представляли акробаты, фокусники, ходили по канату персияне и т. д. Сама императрица в сопровождении большой свиты разъезжала по улицам Москвы, любуясь народным празднеством; в это время окружавшие ее герольды бросали в народ серебряные жетоны. Такие празднества в Москве продолжались целую неделю.

После коронационных празднеств Екатерина отправилась в Троицкую лавру; путь императрицы отличался необыкновенною торжественностью. Государыня выехала из Москвы 17 октября и прибыла в лавру в тот же день в восьмом часу. У ворот обители были расположены по бокам сорок молодых воспитанников в белых одеждах, с венцами на головах и с пальмовыми ветвями в руках; при прибытии императрицы они запели следующий кант:

Гряди, желаннейшая мати,
Гряди с дрожайшим Павлом к нам,
Гряди от гроба дар прияти
В созданный чудотворцем храм... *и пр.*

Это пение продолжалось до самого входа императрицы в храм; при вступлении в церковь певчие запели: «Достойно есть»; в это время государыня прикладывалась к святым мощам, после чего ей было возглаголено многолетие. При торжественных кликах многолетия государыня вышла из храма; здесь опять на паперти встретили ее семинаристы и запели уже другой кант:

Прийди, Екатерина,
Вторая к нам Елисавет,
Надежда всех едина,
Прийди, о презлатых нам лет,
И Павла возведи с собою,
Идуща спешною ногою.

Во время этого шествия продолжалась пушечная пальба и колокольный звон. Придя в приготовленные покои для императрицы, архимандрит с братиею и учителями поднес хлеб-соль, наместник лавры Иннокентий произнес торжественную речь, и затем еще пели канты семинаристы.

На другой день после литургии государыня со свитой обедала у настоятеля лавры, осматривала ризницу и различные церковные древности, потом отправилась в семинарию, в богословскую палату, где были собраны как учителя, так и воспитанники, одетые «в белом с золотыми травами платье», имея в руках ветви и зеленые на головах венцы, ожидая с наичувствительнейшим желанием свою всемилостивейшую видеть государыню, и как токмо собрание юношества увидело монархиню, радостию сердечно взыграв, воспели следующий кант:

Сидящей на Российском троне
Вы, музы, в вашем Геликоне
Приличный стих воспойте
И радость в нас откройте,
Сокрытую в сердцах.
Дни ваши ныне преблаженны,
Ликуй, ликуй, Парнас священный,
Зря на Екатерину,
Надежду всех едину;
Науки продолжай... и т. д.

После этого канта ученики приветствовали государыню на русском, латинском и греческом языках стихами и речами. В заключение сказал речь ректор семинарии Платон, и затем настоятель лавры Лаврентий поднес государыне оду; последняя начиналась так:

Не может толь нас веселить
Весна своей красою,
Ни в жаркий день кто прохладить
Сердца всех нас водою.
Коль ты пришествием своим,
Дрожайшая наша мати... и т. д.

Государыня после осматривала библиотеку семинарии; в тот же вечер Екатерина посетила опять семинарию, где давалась учениками драма «О Царе Навуходоносоре и трех отроках в пещи». По преданию, эта драма тянулась очень долго; по окончании представления вся лавра была иллюминирована.

«В субботу, поутру, 19-го октября, государыня, приложившись к мощам, при колокольном звоне и пушечной пальбе, изволила выдти за святые ворота, потом „сидши в линию, путь в царствующий свой град восприяла в начале девятого часу, при сем производилась пушечная пальба с колокольным звоном. Проезжая слободою Клементьевою, изволила в народ бросить деньги“»²¹.

Императрица после коронации из первопрестольной не уезжала, а пробыла там целую зиму. Москва в дни пребывания государыни увидела невиданные до этого празднества и маскарады. Роскошь и великолепие последних доходили до сказочного волшебства.

Так, первый такой грандиозный маскарад был дан в последние дни Масленицы. Устройство этого маскарада было препоручено придворному актеру Федору Григорьевичу Волкову; всех действующих лиц в нем было более четырех тысяч человек; двести огромных колесниц были везены запряженными в них волами от двенадцати до двадцати четырех в каждой.

²¹ Подробности о посещении Троицкой лавры императрицей Екатериной II берем из имеющейся у нас рукописи того времени.

Маскарад назывался «Торжествующая Минерва»²². В нем, как гласило печатное объявление, «изъявится гнусность пороков и слава добродетели». Маскарад в течение трех дней, начиная с десяти часов утра и до позднего времени, проходил по улицам Большой Немецкой, по обеим Басманным, по Мясницкой и Покровской.

По возвращении последнего к горам начиналось всеобщее катанье, на театре давались кукольные комедии, «фокус-покус и разные телодвижения»; вместе с желающими смотреть на это торжество в масках и без маски вызывались из публики желающие «бегаться на лошадях».

Маскарадное шествие открывалось предвозвестниками торжества с большою свитою и затем разделялось на отделы; перед каждым отделом несли особенный знак. Первый знак был посвящен Момусу, или «Упражнение малоумных»; за ним следовал хор музыки, кукольщики, по сторонам двенадцать человек на деревянных конях.

За ними ехал верхом Родомант-забияка, храбрый дурак; подле него шел паж, поддерживая его косу. После него шли служители Панталоновы, одетые в комическое платье, и Панталон-пустохват в портшезе²³; потом шли служители глупого педанта, одетые скарамушами, следовала сзади и книгохранительница безумного вряля; далее шли дикари, несли место для арлекина, затем вели быка с приделанными на груди рогами; на нем сидел человек, у которого на груди было окно, – он держал модель кругом вертящегося дома.

Эту группу программа маскарада объясняла так: Мом, видя человека, смеялся, для чего боги не сделали ему на грудях окна, сквозь которое бы в его сердце можно было смотреть; быку смеялся, для чего боги не поставили ему на грудях рогов и тем лишили его большей силы, а над домом смеялся, отчего нельзя его так сделать, что если худой сосед, то его поворотить на другую сторону. За этой группой следовал Бахус, олицетворяя «Смех и бесстыдство».

Картина представляла пещеру Пана, в которой плясали нимфы, сатиры, вакханки; сатиры ехали на козлах, на свиньях и обезьянах. Колесница Бахуса заложена была тиграми.

Здесь вели осла, на котором сидел пьяный Силен, поддерживаемый сатирами, наконец, пьяницы тащили сидящего на быке толстого краснолицего откупщика; к его бочке были прикованы корчемники и шесть крючков, следовали целовальники, две стойки с питьем, на которых сидели чумаки с балалайками. Эту группу заключал хор пьяниц.

Третья группа представляла «Действие злых сердец»: она представляла ястреба, терзающего голубя, паука, спускающегося на муху, кошачью голову с мышью в зубах и лисицу, давящую петуха. Эту группу заключал нестройный хор музыки; музыканты были наряжены в виде разных животных.

Четвертое отделение представляло «Обман»; на знаке была изображена маска, окруженная змеями, кроющимися в розах, с надписью: «Пагубная прелесть»; за знаком шли цыгане, цыганки пьющие, поющие и пляшущие колдуны, ворожеи и несколько дьяволов. В конце следовал Обман в лице прожектеров и аферистов.

Пятое отделение было посвящено посрамлению невежества; на знаке были изображены: черные сети, нетопырь и ослиная голова. Надпись была: «Вред непотребства». Хор представлял слепых, ведущих друг друга; четверо, держа замерзших змей, грели и отдували их. Невежество ехало на осле. Праздность и Злословие сопровождала толпа ленивых.

Шестое отделение было «Мздоимство»; на знаке виднелись изображения: гарпия, окруженная крапивой, крючками, денежными мешками и изгнанными бесами. Надпись гласила: «Всеобщая пагуба». Ябедники и крюкотворцы открывали шествие, подьячие шли с знаменами, на которых было написано: «Завтра». Несколько замаскированных длинными огромными крючьями тащили за собою заряженных «акциденцию», то есть взяточников, обвешан-

²² «Торжествующая Минерва» была выпущена в крайне ограниченном числе экземпляров. Объяснительные стихи к этому маскараду писал М. М. Херасков, а хоры сочинял А. П. Сумароков. Машины и аксессуарные вещи к нему делал итальянец-машинист Бригонций.

²³ *Портшез* – легкое переносное крытое кресло.

ных крючками; поверенные и сочинители ябед шли с сетями, опутывая и стравливая идущих людей; хромая «правда» тащилась на костылях, сутяги и аферисты гнали ее, колотя в спину туго набитыми денежными мешками.

Седьмое отделение было – мир навыворот, или «превратный свет»; на знаке виделось изображение летающих четвероногих зверей и человеческое лицо, обращенное вниз. Надпись гласила: «Непросвещенные разумы». Хор шел в развратном виде, в одеждах наизнанку, некоторые музыканты шли задом, ехали на быках, верблюдах; слуги в ливреях везли карету, в которой разлеглась лошадь; модники везли другую карету, где сидела обезьяна; несколько карлиц с трудом поспевали за великанами; за ними подвигалась люлька с спеленатым в ней стариком, которого кормил грудной мальчик. В другой люльке лежала старушка, играла в куклы и сосала рожок, а за нею присматривала маленькая девочка с розгой; затем везли свинью, покоящуюся на розах. За нею брел оркестр певцов и музыкантов, где играл козел на скрипке и пел осел. Везли Химеру, которую расписывали маляры и песнославили рифмачи, ехавшие на коровах.

Восьмое отделение глумилось над спесью; знак был – павлиний хвост, окруженный нарциссами, а под ними зеркало, с отразившеюся надутую харею, с надписью: «Самолюбие без достоинств».

Девятая группа изображала «Мотовство и бедность». На знаке виден был опрокинутый рог изобилия, из которого сыпалось золото; по сторонам курился фимиам. Надпись гласила: «Беспечность о добре». Хор шел в платьях, обшитых картами; шли карты всех мастей, за ними следовала слепая Фортуна, затем счастливые и несчастные игроки. Брели и нищие с котомками.

Шествие замыкала колесница Венеры с сидящим возле Купидоном. К колеснице были прикованы гирляндами цветов несколько особ обоего пола. Затем шла Роскошь с ассистентами-мотами. Хор поющих бедняков и скупцов в характерных масках. За сим начиналось самое торжественное и великолепное из всего маскарада: первую катилась колесница Юпитера и затем следовали персонажи, изображающие золотой век. Впереди виднелся хор аркадийских пастухов, за ними следовали пастушки и шел хор отроков с оливковыми ветвями, славя дни золотого века и пришествие Астреи на землю. Двадцать четыре часа в блестящей золотом одежде окружали золотую колесницу этой богини; последняя призывала радость, вокруг нее теснились толпой стихотворцы, увенчанные лаврами, призывая мир и счастье на землю. Далее являлся уже целый Парнас с Музами и колесница Аполлона; потом шли земледельцы с их мирными орудиями, несли мир и жгли в облаках дыма военные оружия.

Затем следовала группа Минервы с добродетелями: здесь были науки, художества; торжественные звуки труб и удары литавр предшествовали колеснице Добродетели; последнюю окружали маститые старцы в белоснежной одежде с лаврами на головах. Герои, прославленные историей, ехали на белых конях, за ними шли философы, законодатели; хоры отроков в белых одеждах с зеленеющими ветвями в руках предшествовали колеснице Минервы и пели хвалебные гимны. Хоры и оркестры торжественной музыки гремели победоносные марши.

Маскарадное шествие заключалось горой Дианы, озаренной лучезарными светилами.

Три дня двигалась эта процессия по московским улицам. Несмотря на холодную погоду, все окна, балконы и крыши домов были покрыты народом. Императрица смотрела на маскарад, объезжая улицы в раззолоченной карете, запряженной в восемь неаполитанских лошадей с цветными кокардами на головах. Екатерина сидела в ало-бархатном русском платье, унизанном крупным жемчугом, с звездами на груди и в бриллиантовой диадеме.

За нею тянулся огромный поезд высоких тяжелых золотых карет с крыльцами по бокам, карет, очень похожих на веера, на низких колесах; в каретах виднелись распудренные головы вельможных царедворцев, бархатные или атласные кафтаны, расшитые золотом или унизанные блестками, с большими стальными пуговицами и т. д.

В других осмистекольных ландо сидели роскошно одетые дамы в атласных робронах и калишах на проволоке, в пышных полонезах, в глазетовых платьях и длиннохвостых робах с прорезами на боку, с фижмами или бочками; головы были также распудрены; сзади карет стояли лакеи, одетые турками, гусарами, арабами, албанцами.

В день этого народного маскарада во дворце была играна итальянская опера «Иосиф Прекрасный в Египте». Автору Ф. Г. Волкову, по словам его биографа Н. И. Новикова, маскарад этот стоил жизни. Разъезжая верхом для наблюдения за порядком маскарада, он сильно простудился, вскоре слег в постель и через два месяца скончался.

Волков составлял программу этого маскарада не один; его сотрудником был известный в то время драматург Александр Петрович Сумароков. Он был первым директором российского театра. Сумароков писал во всех родах поэзии – современники ставили его наравне с Мольером и Расином, плакали от его драм и смеялись до слез, любясь его комедиями. Большие похвалы ему воздавал и великий Вольтер.

Про Сумарокова существует множество анекдотов, характеризующих его вспыльчивость и доброе сердце. Он первый ввел разговоры актеров со сцены на злобы дня; так, узнав, что дети профессора Крашенинникова, известного описателя Камчатки, остались после смерти отца в бедности, он заставил одного из героев своей комедии сказать с подмостков сцены следующее: «Отец ездил в Камчатное и в Китайчатое государство, а дети ходят в крашенине и потому Крашенинниковыми называются».

Монолог актера попал в цель, кто-то из вельмож исходатайствовал пенсию несчастным у императрицы. Другой раз, встретив раненого офицера, который просил милостыню, он, не имея при себе денег, снял с себя мундир, шитый золотом, и отдал офицеру, а сам возвратился домой в кафтане своего лакея и тотчас же отправился во дворец к государыне просить для бедного пособия.

Несмотря на такие порывы великодушия, этот сострадательный человек в минуты гнева ломал палки на спинах своих бедных подчиненных актеров единственно за то, что они плохо декламировали стихи. Сумароков умер в Москве 1 октября 1777 года и похоронен в Донском монастыре, – могила его у самой задней ограды, прямо против Святых ворот Донского монастыря²⁴. На месте, где был погребен Сумароков, теперь лежит профессор Московского университета П. С. Щепкин.

Сотрудником Сумарокову при составлении стихотворной программы маскарада, данного во время коронации, был тоже известный стихотворец Мих. Матв. Херасков²⁵; это был очень угрюмый, важный и напыщенный человек.

В нежной юности с ним случилось очень странное приключение: его нянька посадила на окошко, а в то время проходила толпа цыган, которые и похитили его. К счастью, вскоре вспомнили о цыганах, догнали их и отняли ребенка.

Не случилось бы последнего, Херасков пел бы цыганские песни, а не героев нашей истории. В доме Хераскова собирались по вечерам все московские литераторы и читали свои литературные произведения, и, как говорит Дмитриев, похвала Хераскова всегда ограничивалась одними словами: гладко, очень гладко!

Херасков, как и Сумароков, был страстный любитель до театральных представлений; при нем в университете существовал постоянный театр с богатым гардеробом, а также и свой собственный у него в доме. На первом театре играли студенты и даже женские роли исполняли они же. Так, известный впоследствии профессор П. И. Страхов на этом театре являлся в роли Семиры, очаровывая зрителей и самого автора А. П. Сумарокова.

²⁴ См. «Биографический словарь» проф. Московского университета, т. II, с. 447.

²⁵ Херасков, действ. тайн. сов., 1733–1809, куратор Московского университета, автор первого русского романа «Кадм и Гармония» и также первых русских эпосов «Россиада» и «Владимир».

С подмостков этого же театра перешли на московский публичный театр два студента: Иванов и Плавильщиков – первый был известен на сцене под именем актера Калиграфова. П. И. Страхов нередко игрывал и в операх у Хераскова на домашнем театре, хотя и не знал нот и не имел голоса. Вот как, по словам Страхова, проходили такие исполнения на сцене: «Херасков непременно хотел, чтобы я исполнял в его опере „Добрые солдаты“ первую роль молодого „Пролета“. Надо было угождать доброму начальнику, и вот я разыгрывал ее пополам с превосходным университетским тенором Мошковым, тогда еще гимназистом; он пел мои арии за кулисами, а я лишь расхаживал по сцене, размахивал руками и молча разевал рот, как будто бы пел. Наш капельмейстер, глухой Керцелли, мастерски поддерживал оркестром нашу хитрость, и после никто из зрителей не хотел даже верить нашим проделкам».

В первые годы царствования Екатерины II Москва увидела много новых построек. Так, в ознаменование восшествия государыни на престол была воздвигнута на Солянке, «на Кулишках», по плану архитектора Бланка, церковь во имя Св. Кира и Иоанна. Храм был освящен митрополитом Амвросием в присутствии самой императрицы в 1768 году. По окончании литургии государыня отбыла в Петербург. В этой церкви сохраняется царское место, нарочно устроенное для этого дня. В этой церкви имеется придел во имя Живоначальной Троицы. Из надписи, находящейся на доске над дверями, видно, что на этом месте была церковь во имя Троицы и что в пожар 1754 года она сгорела, и в 1758 году церковь опять возобновлена и освящена митрополитом Тимофеем.

В год пребывания Екатерины II в Москве, после коронации, был издан указ о крытии гонтом²⁶ в Кремле и Китае-городе казенных и частных зданий, и в этот же год государыня повелела открыть Воспитательный дом²⁷, сперва в Китай-городе, и затем уже, в следующем году, в Белом городе, в день рождения государыни.

В 1763 году, в память выздоровления наследника престола, была устроена еще Павловская больница за Серпуховскими воротами. Мысль основать Воспитательный дом в Москве принадлежала Ив. Ив. Бецкому.

В своей записке он просил государыню для постройки дома дать место, так называемый «Гранатный двор» (последний стоял там, где теперь правая сторона Воспитательного дома; он принадлежал пушечному двору, основанному во времена царя Феодора), с Васильевским садом подле Москвы-реки, со всею около лежащею казенною землею и строением, купно с отданною от Адмиралтейства мельницею, что на Яузе, и старую городскую стену употребить в строение. Эта стена, вероятно, тогда еще существовала и простиралась от Белого города по берегу Москвы-реки к стене Китай-города. Васильевский сад был посажен отцом Иоанна Грозного, великим князем Василием III.

На постройку этого здания открылась добровольная подписка по церквам всей России. Сама государыня с наследником была первая вкладчица.

Апреля 21-го 1764 года, в день рождения государыни, при громе пушек состоялась закладка здания. Генерал-фельдмаршал П. С. Салтыков первый положил камень в основание этого здания, с надписью означения времени заложения и с двумя медными досками, на которых было вырезано на латинском и русском языке следующее: «Екатерина Вторая, императрица и самодержица всероссийская, для сохранения жизни и воспитания в пользу общества в бедности рожденных младенцев, а притом и в прибежище сирых и неимущих родильниц, повелела соорудить сие здание, которое заложено 1764 г. апреля 21-го дня».

²⁶ Гоним – короткая дранка.

²⁷ До этого времени никаких приютов для бедных детей и подкидышей не было; только по указу Петра I их принимали в ничтожном числе и воспитывали в Новодевичьем и Андреевском монастырях. До Петра основал «приемницу сирот» митрополит Иов в Холмской Успенской обители. В Петербурге для бесприютных дом основан в 1714 году.

В день закладки, в ознаменование благотворения, было собрано более пятидесяти бедных невест и отдано с приданым замуж за ремесленников, и затем более тысячи человек бедных в этот день были угощаемы обедом.

В память закладки была выбита медаль с изображением на одной стороне поясного портрета государыни, а на другой стороне изображена была Вера, имеющая на голове покрывало и держащая в правой руке крест; облокотившись на постамент при церковном здании, она повелевает Человеколюбию, представленному в образе жены, поднять найденного на пути ребенка и отнести в основанный милосердием государыни дом. Вверху, кругом, видны слова Спасителя: «И вы живы будете» (Иоанн 11: 19), внизу за чертою: «Сентября 1-го дня 1763 года», то есть день учреждения.

В 1771 году при этом Воспитательном доме был учрежден известным своими причудами и странностями Прокофием Акинфиевичем Демидовым²⁸ Родильный институт. Демидов на это учреждение прислал Бецкому 200 000 рублей.

Когда Демидов в 1772 году посетил Воспитательный дом, то опекунский совет поднес последнему золотую медаль и благодарственное свидетельство, до сих пор сохраняющееся в портретной галерее дома; оно написано на пергаменте и украшено миниатюрною живописью, превосходно исполненною академиком Козловым. По поводу этого посещения было напечатано тогда в «Московских ведомостях» стихотворение под заглавием «Вывеска к жилищу Прокофия Акинфиевича Демидова». Вот начало этого стихотворения:

Демидов здесь живет,
Кой милосердия пример дает,
Свидетель в том
Несчастливым дом.

Польщенный таким приемом, Демидов подарил Воспитательному дому большой каменный дом свой, находившийся в Донской улице, в приходе церкви Риз-Положения.

Несмотря на внимание и почет, которые опекунский совет постоянно оказывал Демидову, последний своими причудами и дурачествами немало причинял ему огорчений и очень часто приводил это почтенное учреждение «в недоумение». Так, например, узнав, что опекунский совет крайне нуждается в деньгах, обещал сперва дать займы 20 000 рублей, но вместо денег прислал в него четыре скрипки по числу членов: Вырубова, Умского и князей Голицына и Гагарина.

В другой раз, в 1780 году, когда совет по приказанию Бецкого препроводил к Демидову оба его бюста, мраморный и бронзовый, с тем чтобы он взял для себя один из них, то Демидов их не принял и отослал при следующем отзыве: «От Московского Воспитательного дома объявлено мне, чтобы я от господ опекунов взял бюст, и за оное приношу нижайшую благодарность, а паче за милость его высокопревосходительства Ив. Ив. Бецкого. В третьем году, когда я был в Питере у Ивана Ивановича, при мне сделан гипсовый бюст, а сказывал он, что многим мраморные делаются и потому мне ненадобно; о чем с моею благодарностью хошь сие, хошь напишите высокопочтенному совету, а паче Ивану Ивановичу, в оное не входит и мне не пишет, какой из того план хочет сделать? Для того ли, что живущий мой дом, по смерти моей, считаться будет к Воспитательному дому? Я же скоро умру и об этом его превосходительству сказывал. Он смеялся: кто прежде умрет? И так, с высокопочтением и моею преданностью остаюсь»²⁹.

²⁸ Прокофий Акинфиевич Демидов на разные благотворительные учреждения в течение своей жизни пожертвовал около полутора миллионов рублей.

²⁹ П. А. Демидов умер в 1786 году, погребен в Донском монастыре, за алтарем Сретенской церкви. После него осталось несколько сыновей и дочерей – он был женат два раза. Сыновья Демидова воспитывались в Гамбурге и, возвратясь в Россию,

Демидовым выстроены также примыкающие к квадрату постройки «Корделожи».

После Демидова и другие стали приносить свои пожертвования в кассу Воспитательного дома. Так, 3 марта 1774 года, ночью, от неизвестного прислано было к Бецкому письмо с препровождением в особом ящике десяти тысяч рублей, половина золотом, а другая ассигнациями; как письмо, так и ящик запечатаны были печатью, изображающею солнце, освещающее шар земной, с надписью: *non sibi, sed populi*³⁰.

Письмо было написано по-французски. В нем неизвестный благотворитель между прочим говорит: «Не спрашивайте меня, государь мой, об моем отечестве; я произведен на свет не в сей обширной империи, но отечеству моему должен я только рождением, а России обязан тысячею несравненно превосходнейших выгод».

Сверх 10 000 рублей, доставленных при этом письме, неизвестный благотворитель обещал прислать в другой срок, 29 июня 1774 года, еще 20 000 рублей и в третий срок, 3 октября, также 20 000 рублей.

Это пожертвование вызвало со стороны Бецкого самую оживленную переписку с заявлением глубокой благодарности благотворителю, напечатанной в то время в прибавлении к «С.-Петербургским ведомостям».

В числе воспитанников этого благотворительного заведения каждый год выпускается несколько с фамилиею Гомбургцевых – последняя дается питомцам по следующему случаю. В 1767 году, в августе 31-го, в полдень было подано привратнику дома неизвестным лицом запечатанное письмо с надписью: «Императорского Воспитательного дома высокопочтенным господам членам совета в Москве», в середине конверта было письмо, извещающее, что покойная светлейшая ландграфиня и наследная принцесса Гессен-Гомбургская Настасья Ивановна, урожденная княгиня Трубецкая, вручила сей неизвестной сумму денег с завещанием употребить ее на пользу бедных; с 1755 года сумма эта, отданная в рост, составила уже 10 000 рублей и представляется теперь в совет на содержание из процентов сей суммы на вечные времена стольких воспитанников, сколько позволит сумма процентов. Совет исполнил волю благодетельной завещательницы и содержимых двадцать воспитанников назвал Гомбургцами.

В 1767 году для управления этим благотворительным заведением был учрежден Опекунский совет. В этом году Екатерина II неожиданно посетила заведение и в память своего посещения положила в кружку богатый вклад и двухлетнему питомцу Никите пожаловала 300 червонцев. Сам Бецкой Воспитательному дому принес в дар в разное время 162 995 рублей. Памятники трудов и заслуг Бецкого не ограничились одной Москвой; в Петербурге он посвятил лучшие свои годы на попечение общества благородных девиц (Смольный монастырь).

Бецкой родился в Стокгольме в 1704 году; князь И. Ю. Трубецкой был отцом его, мать была шведка, баронесса Вреде. Трубецкой вступил в брак во время своего плена, при жизни своей первой жены. С восшествием Екатерины II Бецкой является в числе первых сановников императрицы. И. И. Бецкой достиг маститой старости, умер девяноста трех лет от роду. Бецкой очень любил сельское хозяйство; на террасе дома его был устроен висячий сад, где он разводил шелковичных червей на листьях тутовых деревьев. В кабинете Бецкого была устроена по китайскому образцу духовая печь, в которой он посредством пара выводил из яиц цыплят.

Беганье последних около него служило для него большим развлечением и обращало его мысли к другим птенцам, о призрении которых он так много потрудился. Вообще воспитывать безродных была его страсть; из числа таких его питомцев был и известный некогда обер-полицеймейстер Петербурга и впоследствии сенатор Иван Савич Горголи. Этот Горголи был

с трудом говорили на родном языке. Демидов не любил их и давал им почти нищенское содержание. Императрица приказала ему выдавать более приличную сумму на их часть. Демидов купил им по тысяче душ и вместе с тем запретил показываться к себе на глаза. Дочерей своих отдал замуж за купцов и фабрикантов. Но когда одна из последних объявила, что она выйдет лишь за дворянина, то он отыскал первого такого попавшегося, Станиславского.

³⁰ Не себе, но людям (*лат.*).

образцом рыцаря и франта. Никто так не бился на шпагах, никто так не играл в мячи, никто не одевался с таким вкусом, как он. Он первый начал носить высокие тугие галстуки на щетине, прозванные его именем «горголиями». В 1808 году его посылали с каким-то поручением к Наполеону, бывшему тогда в Байоне, и по приезде оттуда его назначили Санкт-Петербургским обер-полицеймейстером. По природе он был очень добрый и давал много воли своим подчиненным. Вскоре по его назначении явилось в городе стихотворение, которое оканчивалось следующим двустишием:

Как не любить по доброй воле
Ивана Савича Горголи.

Когда это стихотворение попало на глаза Горголи, то он, улыбнувшись, добавил:

А то он вам задаст же соли...

Горголи был женат на одной из воспитанниц И. И. Бецкого.

Вид на Москву из Кремля. Литография А. Дюрана. 1844. Фрагмент

Вид на Москву с балкона Кремлевского дворца в сторону Москворецкого моста. Гравюра Ф. Лорие (?) по рисунку Ж. Делабарта. 1797. Фрагмент

Глава II

Моровая язва. – Общая паника на улицах столицы. – Мортусы. – Воспоминания Страхова. – Бегство главнокомандующего из Москвы. – Народный бунт. – Убийство архиепископа Амвросия. – П. Д. Еропкин. – Приезд князя Г. Г. Орлова в Москву. – Суд над убийцами архиепископа. – Несколько анекдотов из жизни графа Орлова. – Отъезд Орлова за границу. – Торжества 1773 года. – Триумфальные ворота. – Фельдмаршал Румянцев. – Случай с ним в молодости. – Характер его. – Дом Суворова в Москве. – Награды Румянцеву. – Несколько анекдотов из жизни Румянцева.

В 1771 году Москву посетило ужасное бедствие – в январе месяце в столице открылась страшная моровая язва. Занесена была чума в Москву войском из Турции; врачи предполагали, что ее впервые завезли вместе с шерстью на суконный двор, стоявший тогда у моста, за Москвою-рекою.

Здесь с 1 января по 9 марта умерло 130 человек; следствие открыло, что на празднике Рождества один из фабричных привез на фабрику больную женщину с распухшими железами за ушами и что вскоре по привозе она умерла. Чума с быстротой переносилась из одного дома в другой; самый сильный разгар чумы в Москве продолжался четыре месяца: август, сентябрь, октябрь и ноябрь. Жители столицы впали в уныние, сам главнокомандующий, граф Салтыков, бежал из Москвы в свою деревню; в городе в это бедственное время не было ни полиции, ни войска; разбои и грабежи стали производиться уже явно среди белого дня.

По словам очевидца Подшивалова, народ умирал ежедневно тысячами; фурманщики³¹, или, как их тогда называли, «мортусы», в масках и воощанных плащах длинными крючьями таскали трупы из выморочных домов, другие поднимали на улице, клали на телегу и везли за город, а не к церквям, где прежде покойников хоронили. Человек по двадцати разом взваливали на телегу. Трупы умерших выбрасывались на улицу или тайно зарывались в садах, огородах и подвалах.

Вот как описывает это страшное время П. И. Страхов, профессор Московского университета, бывший еще гимназистом; брат его состоял письмоводителем в Серпуховской части при особо назначенном на это время смотрителе за точным исполнением предохранительных и карантинных мер против заразы. Этот Страхов жил у Серпуховских ворот и от отца своего имел приказ непременно доставлять каждое утро записочку, сколько вчерашний день было умерших во всей Москве, а Страхов-гимназист каждое утро обязан был ходить к брату за такими записочками. Прямая и короткая дорога была ему туда и назад по Земляному валу чрез живой Крымский мост.

«Вот бывало, – говорит он, – я в казенном разночинском сюртуке из малинового сукна с голубым воротником и обшлагами на голубом же стамедном подбое, с медными желтыми большими пуговицами и в треугольной поярковой шляпе, бегу от братца с бумажкою в руке по валу, а люди-то из разных домов по всей дороге и выползут и ждут меня, и лишь только завидят, бывало, и кричат: дитя, дитя, сколько? А я-то лечу, привскакивая, и кричу им, например: шестьсот, шестьсот, и добрые люди, бывало, крестятся и твердят: слава Богу, слава Богу! Это потому, что накануне я кричал семьсот, а третьего дня восемьсот! Смертность была ужасная и росла до сентября так, что в августе было покойников чуть-чуть не восемь тысяч, в сентябре же хватило за двадцать тысяч, в октябре поменьше двадцати тысяч, а в ноябре около шести тысяч»³².

³¹ Фурманщик – владелец или возчик фуры – большой телеги.

³² Всего в Москве с апреля 1771 года по март 1772 года умерло от моровой язвы 57 901 человек; в других местах империи – 75 393 человека. Всего 133 299 человек.

Отец Страхова еще на Святой неделе принял самые строгие меры предосторожности. На дворе своем, у ворот, разложил костры из навоза и поручил сыну-гимназисту, чтобы ни день, ни ночь не допускал их гаснуть; заколотил наглухо ворота, калитку запер на замок и ключ отдал ему же, строго-настрого приказав всех приходящих, не впуская во двор, опрашивать и впускать в калитку не иначе, как старательно окуривать у костра.

«Далее, – говорит Страхов, – наш приход весь вымер до единого двора, уцелел один наш двор; везде ворота и двери были настежь растворены. В доме нашего священника последняя умерла старуха; она лежала зачумленная под окном, которое выходило к нам на двор, стонала и просила, ради Бога, испить водицы. В это время батюшка наш сам читал для всех нас правила ко Святому Причащению, остановился и грозно закричал нам: „Боже храни, кто из вас осмелится подойти к поповскому окну, выгону того на улицу и отдам негодыям“, так тогда называли мортусов, то есть колодников, приставленных от правительства для подбирания мертвых тел по улицам и на дворах. Окончив чтение, сам он вынул из помела самую обгорелую палку, привязал к ее черному концу ковш, почерпнул воды и подал несчастной».

Уголь и обгорелое дерево тогда было признано за лучшее средство к очищению воздуха. Первая чумная больница была устроена за заставой в Николоугрешском монастыре. Вскоре число больниц и карантин в Москве прибавилось, также были предприняты и следующие гигиенические меры: в черте города было запрещено хоронить и приказано умерших отвозить на вновь устроенные кладбища, число которых возросло до десяти, затем велено погребать в том платье, в котором они умерли. Фабрикантам на суконных фабриках было приказано явиться в карантин, не являвшихся же приказано было бить плетью; сформирован был батальон сторожей из городских обывателей и наряжен в особые костюмы. Полицией было назначено на каждой большой дороге место, куда московским жителям позволялось приходить и закупать от сельских жителей все, в чем была надобность. Между покупателями и продавцами были разложены большие огни и сделаны надолбы, и строго наблюдалось, чтобы городские жители до приезжих не дотрогивались и не смешивались вместе. Деньги же при передаче обматывались в уксус.

Но, несмотря на все эти строгие меры, болезнь переносилась быстро. Так, один мастеровой из села Пушкина, испугавшись моровой язвы, отправился к себе в деревню, но ему хотелось купить жене обновку, и он купил в Москве для нее кокошник, который впоследствии оказался принадлежавшим умершей от чумы. Все семейство мастерового умерло быстро, а затем и все село лишилось обитателей. Точно таким образом вымер и город Козелец от купленного в Чернигове кафтана.

Как мы уже выше говорили, паника в Москве настолько была сильна, что бежал даже московский главнокомандующий граф Петр Семенович Салтыков (известный победитель Фридриха II при Кунерсдорфе) в свое подмосковное имение Марфино; вместе с ним выехали губернатор Бахметев и обер-полицеймейстер Ив. Ив. Юшков. За оставление своего поста граф был императрицею уволен.

После него чумная Москва подпала под деятельный надзор генерал-поручика Еропкина; последнему именным указом было приказано, чтоб чума «не могла и в самый город С.-Петербург вкрасться», и от 31 марта велено было Еропкину не пропускать никого из Москвы не только прямо к Петербургу, но и в местности, лежащие на пути; даже проезжающим через Москву в Петербург запрещено было проезжать чрез московские заставы. Мало того, от Петербурга была протянута особая сторожевая цепь под начальством графа Брюса.

Цепь эта стягивалась к трем местам: в Твери, в Вышнем Волочке и в Бронницах. Но, несмотря на все заставы и меры, предпринимаемые полицией, чума все более и более принимала ужасающие размеры – фурманщики уже были не в состоянии перевозить всех больных, да и большая часть из них перемерла; пришлось набирать последних из каторжников и преступников, приговоренных уже к смерти.

Для этих страшных мортусов строили особые дома, дали им особых лошадей, носилки, крючья для захватывания трупов, смоляную и вошаную одежду, маски, рукавицы и проч. Картина города была ужасающая – дома опустели, на улицах лежали непогребенные трупы, всюду слышались унылые погребальные звоны колоколов, вопли детей, покинутых родными, и вот в ночь на 16 сентября в Москве вспыхнул бунт. Причина бунта, как говорит Бантыш-Каменский³³, была следующая. В начале сентября священник церкви Всех Святых (на Кулишках) стал рассказывать будто о виденном сне одного фабричного: последнему привиделась во сне Богородица, которая сказала, что так как находящемуся на Варварских воротах ее образу вот уже более тридцати лет никто не пел молебнов и не ставил свечей, то Христос хотел послать на Москву каменный дождь, но Она умолила Его и упросила послать на Москву только трехмесячный мор. Этот фабричный поместился у Варварских ворот, собирал деньги на какую-то «всемирную свечу» и рассказывал свой чудесный сон.

Толпы народа повалили к воротам, священники бросили свои церкви, расставили здесь аналои и стали служить молебны. Икона помещалась высоко над воротами – народ поставил лестницу, по которой и лазил, чтоб ставить свечи; очень понятно, что проход и проезд был загроможден. Чтобы положить конец этим сборищам, весьма вредно действующим при эпидемиях, митрополит Амвросий думал сперва убрать икону в церковь, а собранную на нее в поставленном там сундуке немалую сумму отдать на Воспитательный дом. Но, не решаясь лично взять на себя ответственность, он посоветовался с Еропкиным; последний нашел, что брать икону в смутное время небезопасно, но что сундук можно взять, и для этого послал небольшой отряд солдат с двумя подьячими для наложения печатей на сундук.

Народ, увидя это, закричал: «Бейте их! Богородицу грабят! Богородицу грабят!» Вслед затем ударили в городской набат у Спасских ворот и стали бить солдат. Архиепископ Амвросий, услышав набат и видя бунт, сел в карету своего племянника, жившего также в Чудовом монастыре, и велел ехать к сенатору Собакину; последний со страху его не принял, и от него владыко поехал в Донской монастырь.

Мятежники кинулись в Кремль, многотысячная толпа была вооружена и неистово вопила: «Грабят Богородицу!» Толпа ворвалась в Чудов монастырь и накинута на все: в комнатах и в церквях рвала, уничтожала и кошунствовала; вслед за тем были разбиты чудовские погреба, отдаваемые внаймы купцу Птицыну, – все вино было выпито. Между тем Амвросий, видя себе неизбежную гибель, просил у Еропкина, чтобы он дал ему пропускной билет за город. Вместо билета Еропкин прислал ему для охраны его особы одного офицера конной гвардии, но пока закладывали для Амвросия лошадей, толпа ворвалась в Донской монастырь. Амвросий, предчувствуя свою гибель, отдал свои часы и деньги племяннику своему, находившемуся при нем все время, и велел ему искать спасения, а сам пошел в церковь, одев простое монашеское платье; увидев, что толпа черни стремится в храм, Амвросий приобщился Святых Тайн и затем запрятался на хорах церкви.

Бунтовщики кинулись в алтарь и стали всюду искать свою жертву. Они не щадили ничего, опрокинули престол. Увидя, что хоры заперты, они отбили замок и кинулись туда, и там, не найдя Амвросия, хотели сойти, как какой-то мальчик заметил ноги и платье несчастного мученика и закричал: «Сюда! сюда! Архиерей здесь!» Толпа с яростью накинута на невинную жертву и потащила его из храма. Здесь, выведя его в задние ворота к рогатке, ему сделали несколько вопросов, на которые он ответил, и, казалось, слова архипастыря тронули многих, как вдруг из соседнего монастырского кабака выбежал пьяный дворовый человек г. Раевского, Василий Андреев, и закричал: «Чего глядите вы на него? Разве не знаете, что он колдун и вас морочит?» Сказав это, он первый ударил невинного страдальца колом в левую щеку и поверг

³³ См. Бантыш-Каменского: «Жизнь Амвросия».

его на землю, а затем и остальные изверги накинудись на несчастного архиепископа и убили его.

По словам биографа Амвросия, тело его лежало на улице весь день и ночь. На месте, где убит был архиепископ, в память этого прискорбного случая был воздвигнут каменный крест. Убийцы, покончив с Амвросием, кинулись было к Еропкину, который жил на Остоженке, в доме, где теперь коммерческое училище³⁴, но тот уже в это время вызвал стоявший в тридцати верстах от Москвы великолуцкий полк, принял над ним начальство и отправился с ним в Кремль.

Выехав из Спасских ворот, он увидел, что вся площадь была покрыта народом. Еропкин подъехал к бунтовщикам верхом вместе с своим берейтором и стал их уговаривать разойтись, но толпа кинулась к Кремлю, кидавая в Еропкина камнями и поленьями; одно из них попало ему в ногу и сильно ушибло. Видя, что увещания не действуют, Еропкин, поставив перед Спасскими воротами два орудия, приказал стрелять холостыми зарядами в народ. Толпа, увидя, что убитых нет, закричала: «Мать крестная Богородица за нас!» – и кинулась к Спасским воротам. Тогда Еропкин приказал зарядить картечью, и на этот раз грянул выстрел, оставивший многих убитых и раненых.

После этого толпа в страхе кинулась на Красную площадь и прилегающие улицы; вслед за ней поскакали драгуны, переловившие многих бунтовщиков. Еропкин два дня не слезал с лошади и был первым во всех стычках с народом. По усмирении бунта он послал к императрице донесение о происшествии, испрашивая прощения за кровопролитие.

Екатерина милостиво отнеслась к поступку Еропкина и наградила его Андреевскою лентою через плечо и дала 20 000 рублей из кабинета и хотела пожаловать ему четыре тысячи душ крестьян, но он отказался, сказав:

– Нас с женой только двое, детей у нас нет, состояние имеем, к чему же нам набирать себе лишнее.

Позднее, когда он был московским главнокомандующим, то не переехал в казенный дом и денег, отпускаемых казною для приема гостей, не брал.

В посещение императрицей Екатериной II Москвы он давал ей праздник у себя в доме, и, когда она его спросила: «Что я могу для вас сделать, я желала бы вас наградить», – он отвечал:

– Матушка государыня, доволен твоими богатыми милостями, я награжден не по заслугам: андреевский кавалер, начальник столицы, заслуживаю ли я этого?

Императрица не удовольствовалась этим ответом и опять ему сказала:

– Вы ничего не берете на угощение Москвы, а между тем у вас открытый стол, не задолжали вы? Я заплатила бы ваши долги.

Он отвечал:

– Нет, государыня, я тяну ножки по одежке, долгов не имею, и что имею, тем угощаю, милости просим кому угодно моего хлеба-соли откусать. Да и статочное ли дело, матушка государыня, мы будем должать, а ты, матушка, станешь за нас платить долги.

Видя, что Еропкину дать нечего, государыня прислала жене его орден Св. Екатерины.

По наружности П. Д. Еропкин был высокого роста, весьма худощавый, несколько сторбленный, очень приятной внешности, в молодости он был красавцем и замечательным силачом. Глаза у него были большие, очень зоркие, но довольно впалые, нос орлиный; он пудрился, носил пучок и был причесан в три локона (*à trois marteaux*). Еропкин был очень умен, великодушен, благороден, бескорыстен и, как немногие, в обхождении очень прост. Езжал он цугом в шорах с верховым впереди, при остановках у ворот и у подъездов верховой трубил в рожок, давая тем знать о приезде главнокомандующего. Вставал он по утрам рано, начинал всегда день молитвою, и когда одевался, то заставлял прочесть себе житие святого того дня. Со своих

³⁴ От этого дома переулки называются Большой и Малый Еропкинские.

крестьян оброку брал в год не больше двух рублей. Родился Еропкин в 1724 году, умер в 1801 году легко, точно уснул, отыграв три пульки в рокомболь. Еропкин был замечательный стрелок из лука, он снимал стрелой яблоко с головы мальчика.

По усмирении бунта в Москву был прислан князь Гр. Орлов; он приехал в столицу 26 сентября, когда стояли ранние холода и чума заметно уже ослабевала. Вместе с Орловым прибыли команды от четырех полков лейб-гвардии с необходимым числом офицеров. По приказу Орлова состоялось 4 октября торжественное погребение убитого Амвросия.

Префект Московской академии Амвросий на похоронах сказал замечательное слово. В течение целого года покойного поминали во все службы, а убийцам возглашалась анафема. Убийцы Амвросия, Василий Андреев и Иван Дмитриев, были повешены на том самом месте, где совершено убийство. К виселице были приговорены еще двое – Алексей Леонтьев и Федор Деянов, но виселица должна была достаться одному из них по жребию; остальных шестьдесят человек: купцов, дьячков, дворян, подьячих, крестьян и солдат – было приказано бить кнутом, вырезать ноздри и сослать в Рогервик на каторгу; захваченных на улице малолетних приказано было высечь розгами, а двенадцать человек, огласивших мнимое чудо, велено сослать вечно на галеры с вырезанием ноздрей.

И с этих же дней вышел приказ прекратить набатный звон по церквам и ключи от колоколен иметь у священников. Казнь над преступниками была совершена 21 ноября. По приезде в Москву Орлов многими благоразумными мерами способствовал окончательному уничтожению этой губительной эпидемии и восстановлению порядка. Он с неустрашимостью стал обходить все больницы, строго смотрел за лечением и пищей, сам глядел, как сожигали платье и постели умерших от чумы, и ласково утешал страждущих. Несмотря на такие высокочеловеческие меры, москвичи смотрели на него недружелюбно и на первых же порах подожгли Головинский дворец, в котором он остановился.

Но вскоре народ оценил его заботы и стал охотно идти в больницы и доверчиво принимать все меры, вводимые Орловым. По истечении месяца с небольшим после его приезда государыня уже писала ему: «...что он сделал все, что должно было истинному сыну отечества, и что она признает нужным вызвать его назад».

Около 16 ноября Орлов выехал из Москвы; от шестинедельного карантина в городе Торжке императрица освободила его собственноручным письмом. Въезд Орлова в Петербург отличался необыкновенной торжественностью; в Царском Селе, на дороге в Гатчину, ему были выстроены триумфальные ворота из разноцветных мраморов по рисунку архитектора Ринальди; вместе со множеством пышных надписей и аллегорических изображений на воротах красовался следующий стих тогдашнего поэта В. И. Майкова: «Орловым от беды избавлена Москва».

В честь Орлова была выбита медаль, на одной стороне которой он был изображен в княжеской короне, на другой же представлен город Москва, и впереди, в полном ристании на коне сидящий, в римской одежде, князь Орлов, «аки бы в огнедышащую бездну ввергающийся», в знак того, что он с неустрашимым духом за любовь к отечеству и для спасения Москвы живота своего не щадил. Кругом надпись: «Россия таковых сынов в себе имеет», внизу: «За избавление Москвы от язвы в 1771 году».

По поводу первой надписи Карабанов рассказывает, что Орлов не принял самую императрицею вручаемые ему для раздачи медали и, стоя на коленях, сказал:

– Я не противлюсь, но прикажи переменить надпись, обидную для других сынов отечества.

Выбитые золотые медали были брошены в огонь и появились с поправленною надписью: «Таковых сынов Россия имеет». После Москвы Орлов никаких уже больше полномочий не получал и жил на покое. Под конец своей жизни он влюбился в свою двоюродную сестру, Е. Ник. Зиновьеву. Они обвенчались вопреки постановлениям греко-российской церкви. Неза-

конный брак был судим в совете, и члены приговорили их заключить в монастырь, один только Кирилл Разумовский был за Орлова, сказав товарищам-судьям, что «лежащего не бьют, и еще так недавно все бы из нас считали себя счастливыми быть приглашенными на эту свадьбу».

Императрица Екатерина не утвердила приговора, сказав, что рука ее не подпишет подобной бумаги и было бы грешно забыть, чем она обязана Орлову. Государыня на другой день назначила красавицу-жену Орлова в свои статс-дамы, наградив ее орденом Св. Екатерины и несколькими вполне царскими подарками.

Года через четыре после своей свадьбы Орлов повез свою супругу за границу на воды – у ней открылась чахотка. Княгиня Орлова через год скончалась в Лозанне. Смерть нежно любимой жены сильно повлияла на Орлова – он помешался в рассудке и почти безумный возвратился в Петербург и отсюда был отвезен братьями в Москву и помещен там в их доме, под Донским, в знаменитом Нескучном.

В ночь на 13 апреля 1783 года Орлов скончался. 17 апреля с царскою почестью он был отпет в Донском монастыре и затем перевезен в подмосковное село Орловых, Отраду. Здесь тело князя покоилось только до 1832 года; в этом году графиня Анна Алек. Орлова-Чесменская перенесла прах его в построенный ею новгородский Юрьевский монастырь и положила рядом с его братьями.

Москва при Екатерине видела всех замечательных лиц своей эпохи; в стенах Белокаменной отдыхали утомленные благами фортуны и власти первые вельможи и государственные люди XVIII века. Москва при Екатерине, как говорит Карамзин, прослыла «республикой», в ней было больше свободы в жизни, но не в мыслях, более разговоров, толков о делах общественных, нежели в Петербурге, где умы развлекаются двором, обязанностями службы, исканием, личностями.

Князь Вяземский говорит: в Петербурге сцена, в Москве зрители; в нем действуют, в ней судят. И какие большие актеры, обломки славного царствования Екатерины, проживали в былое время в Москве, каких лиц изменчивая судьба не закидывала в затишье московской жизни. Орловы, Остерманы, Голицыны, Разумовские, Долгорукие, Дашкова – одна последняя княгиня своею историческою знаменитостию, своенравными обычаями могла придать особенный характер тогдашним московским гостиним.

Но не одни опальные и недовольные, покидая службу, переселялись в Москву, – были и такие, которые, достигнув известного чина, оставляли службу и жили для семейства в древней столице. Многие из помещиков приезжали на зиму в Москву и жили открытыми домами. Московское благородное собрание и дворянский клуб, начиная от вельможного до мелкопоместного дворянина, собирали в свои залы по вторникам от трех до пяти тысяч человек. Эти вторники для многих служили исходными днями браков, семейного счастья и блестящих судеб.

Но особенно отличались москвичи своими пышными, почти сказочными празднествами, когда им приходилось чествовать государыню или заезжих полководцев. Так, например, с зимы 1773 года в Москве затевалось еще небывалое по великолепию и роскоши празднество в честь побед наших войск в Турции.

С весны на Ходынке стали возводиться разные крепости, города наподобие отнятых у турок, строились также театры, галереи, храмы, беседки и проч. Дворянство и купечество воздвигло для встречи государыни и виновника торжеств графа Румянцева-Задунайского двое триумфальных ворот. Первые триумфальные ворота были воздвигнуты на средства московского дворянства у Тверской заставы.

Улица, идущая от этой заставы, в то время называлась не Тверскою, а Царскою. Ворота были вышиною в сорок восемь аршин, украшены они были столбами коринфской архитектуры, наместо крыши на них находился пьедестал для вызолоченной статуи – посланницы небес в виде воинственной женщины, в правой руке которой была громовая стрела, а в левой – щит с именем императрицы и пальмовою ветвью, внутренняя же часть ворот представляла храм

побед. Другие триумфальные ворота были построены на средства купечества у бывшего тогда каменного большого здания, с тяжелыми железными воротами, которые на ночь в то время замыкались. Замечательно, что эти железные ворота были украдены ворами в одну темную ночь и, несмотря на тщательные поиски полиции, не отысканы.

Вторые триумфальные ворота были убраны скульптурными и живописными изображениями, представляющими подвиги наших войск; вместо кровли на них было несколько ступеней, на которых помещалась статуя в восемь аршин вышиною, представляющая славу (фаму).

Помимо этих двух ворот, Никольские и Воскресенские ворота были также украшены разными символическими изображениями из мифологии. Екатерина желала, чтобы виновник торжества, граф П. А. Румянцев, явился в столицу в древней колеснице, подобно римскому победителю. Но победитель оттоманов униженно просил государыню о вступлении в Москву без торжеств и почестей. Екатерина уступила Румянцеву, но с тем только, чтобы он принял с приветствиями и поздравлениями всех собравшихся для этого случая в Москве сановников и военных.

Скромный кагульский герой³⁵, по словам современников, в молодости отличался необыкновенным удалством; особенно Румянцев не знал препятствий по части побед над прекрасным полом и очень часто торжествовал над непреклонными. Так, однажды, заплатив одному оскорбленному мужу двойной штраф, он в тот же день воспользовался правом своим, сказав мужу, что последний не может жаловаться, потому что получил уже вперед удовлетворение. Об этом поступке молодого полковника Румянцева было доведено до сведения набожной Елисаветы Петровны, и, в уважение заслуг отца его, провинившегося в нескромной шалости Румянцева императрица отправила к отцу для исправления, и будущий фельдмаршал понес телесное отеческое наказание, хотя и был в полковническом чине.

Граф Петр Александрович Румянцев-Задунайский был высокого роста, стан имел очень стройный, величественный, отличался превосходною памятью и крепким сложением, не забывал никогда, что читал и видал, не знал болезней, семидесяти лет от роду делал в день по пятидесяти верст верхом не уставая, вел жизнь в лагере, как простой солдат, вставал по утрам на заре и, несмотря на строгость военной тогдашней дисциплины, не делал никого из подчиненных несчастными, а только трунил над сибаритами и лентяями. Так, раз, обозревая на рассвете свой лагерь, заметил офицера, отдохавшего в халате, начал с ним разговаривать, взял его под руку, вывел из палатки, прошел мимо войск и потом вступил вместе в шатер фельдмаршальский, окруженный генералами и штабом.

Делами своими занимался сам, без помощи секретаря; сам распечатывал и читал свои письма и бумаги. Обыкновенно он ничего не подписывал в присутствии своего секретаря, чтобы на досуге с спокойным духом перечитать написанное.

В его время князь Потемкин представлял в государстве первое лицо и могуществом своим затемнял заслуги всех преемников на военном поприще. Потемкин много неприятностей причинил Румянцеву, но последний никогда не жаловался на это, а единственно только избегал говорить о нем. Когда до Румянцева дошло известие о его смерти, то великодушный герой не мог удержаться от слез.

– Чему удивляетесь вы? – сказал он своим домашним. – Потемкин был мне соперником, но Россия лишилась в нем усерднейшего сына.

Румянцев любил часто беседовать о своем друге Суворове, который всегда являлся к нему в полном мундире и забывал при нем шутки свои. Суворов, по преданию, тоже избегал тех торжеств, которые были предложены победителям в Москве. Он так же скромно проживал тогда близ церкви Вознесения, на правой руке, второй или третий дом, если идти от Кремля.

³⁵ В июле 1770 г. в ходе Русско-турецкой войны 1768–1774 гг. войска П. А. Румянцева разбили главные силы турецкой армии на реке Кагуле.

Незадолго до 1812 года дом Суворова был куплен каким-то медиком и позднее, после пожара, принадлежал купцу Вейеру.

Вся родня князя Италийского похоронена при церкви Феодора Студийского. Эта церковь в нескольких шагах от Суворовского родового дома, она была прежде монастырем, устроенным в память Смоленской Богоматери. В этой церкви гениальный полководец приучал себя читать Апостола и при всяком выезде из Москвы никогда не оставлял своих родителей без особых поминовений. Он тут и в церкви Вознесения служивал то молебны, то панихиды. Московские старожилы, жившие в пятидесятых годах, еще помнили, как Александр Васильевич сам, сделав три земных поклона перед каждою местною иконою, ставил свечку, как он служивал молебны, стоя на коленях, и как он благоговейно подходил под благословение священника.

За Кучук-Кайнарджийский мир, который так торжественно праздновала Москва на Ходынском поле, Румянцев получил до двенадцати наград. Под конец своей жизни он избрал местопребыванием своим поместье Ташань в окрестностях Киева, там он построил себе дворец, но для своего жилья выбрал только две комнаты. Любимым его занятием было чтение книг.

– Вот мои учителя, – говорил Румянцев, указывая на них.

Часто, в простой одежде, сидя на пне, удил он рыбу. Однажды приезжие отыскивали в саду кагульского героя, чтобы посмотреть на него, и обратились к Румянцеву с вопросом, где бы увидеть графа?

– Вон он, – сказал ласково Румянцев, – наше дело города пленить да рыбу ловить.

В богато убранном дворце графа в нескольких комнатах стояли простые дубовые стулья.

– Если великолепные комнаты, – говорил он, – внушают мне мысль, что я выше кого-либо из людей, то пусть сии простые стулья напоминают, что и я такой же простой человек, как и все.

Граф Румянцев очень любил курить из глиняных трубок; назначенный к нему в армию во время турецкой войны один чиновник по дипломатической части вздумал угодить ему, захватив для него целый ящик таких трубок, но не позаботился уложить их. Фельдмаршал очень обрадовался, потому что трубок у него оставалось немного, и приказал раскрыть при себе ящик, а когда увидел одни обломки, то, рассердясь, сказал, указывая на свое сердце: «Тут-то много...», а потом на голову: «да здесь нет».

Супруга графа Румянцева, зная непостоянство своего мужа, по случаю какого-то праздника послала в армию к нему подарки, в числе которых было несколько кусков на платье его любезной. Задунайский, тронутый до слез, сказал о супруге:

– Она человек придворный, а я – солдат; ну, право, батюшки, если бы знал ее любовника, послал бы тоже ему подарки.

Румянцев умер от удара 3 декабря 1796 года, на семьдесят втором году от рождения. По смерти, когда открыли его кабинет, то нашли в его бумагах пакет с надписью: «Относящееся лично до меня». Думали, что это завещание, но, открыв, нашли два письма: одно было от императрицы, которая предлагала ему сан гетмана малороссийского; второе заключало скромный отказ Румянцева и просьбу это достоинство заменить званием генерал-губернатора.

После его смерти были найдены многочисленные доказательства его благотворительности и щедрости; пенсии, которые он давал втайне бедным, доходили до 20 000 рублей в год. Тело Румянцева с воинскою пышностью было отвезено в Киев, где было выставлено в продолжение восьми дней и затем предано земле в церкви Киевской лавры.

В память побед Румянцева был сооружен в Петербурге гранитный обелиск в 70 футов вышины по плану архитектора Бренна. На мраморном пьедестале обелиска надпись: «Румянцева победам».

Празднование мира с Турцией отличалось необыкновенною торжественностью: в дни празднеств вся Москва, по словам современников, очутилась на Ходынском поле, все лавки

в городе были закрыты, лучшие товары были перевезены во временно устроенные магазины на Ходынке, большая часть азиатских товаров, продаваемых на Макарьевской ярмарке, была привезена тоже сюда.

Въезд императрицы в Москву был очень пышен. Государыня въехала в золотой карете, запряженной восьмеркой лошадей, богато убранных; при въезде в Воскресенские ворота по всем церквам раздался колокольный звон, пошла перекатная пушечная пальба и заиграла военная музыка. Москвичи встретили царицу хлебом-солью. Екатерина остановилась на Пречистенке, во дворце, где теперь дом князя Голицына.

По случаю предполагаемого мирного торжества с турками к этому Пречистенскому дворцу были сделаны огромные деревянные пристройки из брусьев. Кабинет императрицы помещен был возле парадных комнат на большую улицу и по высоте был очень холоден и плохо закрыт от непогоды и ветра. Несмотря на это, государыня очень долго занималась в нем делами. По словам современников, ее секретари Теплов и Кузьмин просто коченели в нем от холода.

Однажды императрица заметила, что они очень прозябли, и приказала подать им кофею, какой всегда сама употребляла. Когда секретари его выпили, то от непривычки почувствовали биение сердца и сильное головокружение; государыня, расхохотавшись, сказала:

– Теперь знаю средство согреть вас от стужи.

По приезде в Москву, в тот же день вечером, государыня отправилась в Кремль в Успенский собор ко всенощной.

Там государыня была помазана священным елеем и приложилась к ризе Господней. На другой день, в пятницу, 16 июля, была назначена торжественная церемония. В 6 часов утра дан был сигнал из пяти пушек собираться войскам, и гренадеры лейб-гвардии были поставлены в два ряда по всем улицам, по которым должно было идти триумфальное шествие из Пречистенского дворца. К 10 часам съехались все придворные особы в Кремлевский дворец, и затем двинулось шествие, предводительствуемое герольдами и церемониймейстерами.

Государыня шла в малой короне под балдахином, несомым генералами, рядом с ней наследник престола в адмиральском мундире с бриллиантовыми эполетами, перед государыней шел Румянцев, по сторонам процессии шли кавалергарды в своих богатых красных с золотом кафтанах, в шлемах с перьями; процессию замыкали статс-дамы и первые чины двора, залитые в золото и бриллианты.

С первых шагов процессии началась пушечная пальба, загремели трубы и литавры и раздался со всех церквей колокольный звон. В это же время из Успенского собора двинулась духовная процессия с архиереями и придворным духовенством и у врат храма приняла императрицу с крестом и святой водою и проводила к царскому месту против алтаря.

После литургии и благодарственного молебна духовенство принесло поздравление императрице, и затем церемониальное шествие опять возобновилось. Государыня отправилась теперь в Грановитую палату, где стоял для нее трон и подле лежали государственные регалии и рядом с ними патенты и награды отличившимся в турецкую войну.

Грановитая палата была издавна местом, где русские цари давали аудиенции в торжественных случаях; построена она еще в 1473 году итальянским архитектором Марком Фрязиным и окончена братом его Петром Фрязиным; получила она название Грановитой от граней, которыми покрыты наружные ее стены.

Грановитая палата носила также название Большой золотой государевой палаты; последнее название произошло уже от внутреннего ее убранства – ее стены и своды в екатерининское время были расписаны по золоту. На самой середине палаты находилась четырехсторонняя колонна, которая вверху, соединяясь со стрелками сводов, поддерживает последние; ширина каждой колонны была полтора аршина, колонна со всех сторон была украшена в древнем греческом стиле лепною работою, изображающею птиц, зверей и других химерических животных

под золотом; вокруг колонны бронзовая, художественно сделанная вызолоченная решетка, по которой в несколько рядов приделаны подсвечники.

Налево от входа устроено на трех скамейках в виде амфитеатра место для музыкантов; направо, в углу, под бархатным балдахином трон государей, возвышающийся на четырех ступенях; подзоры балдахина обшиты бахромой и украшены висящими на шнурах кистями; вся палата обита темно-малиновым бархатом; шесть окон освещают палату, последние почти на сажень от пола и не велики и дают небольшой свет, отчего вся палата носит вид величественной таинственности; в простенках окон расположены в симметрии по три герба, густо вызолоченные. В Грановитой палате царь Иоанн Васильевич в 1552 году три дня угощал своих храбрых сподвижников, отличившихся при покорении Казани.

Одного серебра для подарков послам и боярам было издержано им более 400 пудов. Пожары в XVI и XVII веках не раз уничтожали великолепное внутреннее убранство Грановитой палаты. До Петра Великого палата удерживала свой первоначальный вид, но затем, позднее, внутренний вид ее изменился к худшему – вся живопись ее по штукатурке была сбита и своды перекрашены запросто.

В 1880-х годах было приступлено к восстановлению палаты в первоначальный вид, была найдена старинная подробная опись древней стенописи.

При переделке стен, когда был снят малиновый бархат, то в некоторых местах, под штукатуркой, открылись следы древних живописных по золоту орнаментов, украшавших стены залы, а самая кладка показала следы пожаров и многократных исправлений.

Теперь стенопись исполнена русскими иконописцами, крестьянами Владимирской губернии, села Палеха, братьями Белоусовыми. В Грановитой палате хранится, на большом поставце, серебряная посуда – дар русским царям от иноземных властителей; главное место в палате занимает так называемый красный угол, где, как и в старину, стоит теперь царский трон.

В Грановитой палате Екатерина II наградила героев турецкой войны многими милостями. Из Грановитой палаты государыня возвратилась во дворец на Пречистенку уже в своей походной карете. За императрицей скакала на конях ее блестящая военная свита; здесь были гусары, кавалергарды, кирасиры, затем албанцы и множество разных военных.

Граф Румянцев ехал за императрицей в богатой карете цугом. В Воскресенских воротах государыню приветствовал хор музыки торжественным маршем. За государыней следовал верхом, в красном плаще, с двумя герольдами и князь Потемкин, бросая из мешка в народ серебряные жетоны, выбитые в память мира с турками. На жетонах изображены были две масличные ветви и надпись: на одной стороне – «Мир с турками», а на другой – «Приобретен победами». Через день был назначен большой приезд ко дворцу, где была представлена мать фельдмаршала Румянцева, на которую императрица возложила ленту Св. Екатерины. Мать фельдмаршала, графиня Марья Андреевна, была дочь графа Андрея Артамоновича Матвеева.

По словам графа Сегюра: «Она в старости маститой, в параличе, была исполнена жизни: сохранила веселость, пылкое воображение, обширную память; разговор ее был столь же привлекателен, поучителен, как история, хорошо написанная». О браке отца Румянцева с ней существует следующее предание. Когда заслуги отца Румянцева при дворе Петра Великого стали заметны и последний сделался любимцем царя, то один из вельмож предложил ему руку своей дочери и тысячу душ в приданое. Румянцев, как известно, был бедняк, сын небогатого костромского дворянина. Осчастливленный подобным предложением, Румянцев бросился к ногам царя, испрашивая согласия на брак, от которого зависело все благополучие его жизни. Подняв Румянцева, Петр спросил:

– Видел ли ты невесту и хороша ли она?

– Не видал, – отвечал Румянцев, – но говорят, что она не дурна и не глупа.

– Слушай, Румянцев, – продолжает государь, – балу я быть позволяю, а от сговора удержись. Я сам буду на бале и посмотрю невесту; если она действительно достойна тебя, то не стану препятствовать твоему счастью.

До 10 часов вечера ожидали царя и, полагая, что какое-либо важное дело помешало ему сдержать данное слово, начали танцевать; но вдруг Петр явился в дом невесты своего любимца, увидел ее, стоя в дверях в толпе любопытных зрителей, и, сказав про себя довольно громко: «Ничему не бывать», уехал. Хозяин и жених были чрезвычайно огорчены этим неприятным событием.

На другой день Румянцев с печальным видом явился к царю.

– Нет, брат, – произнес царь, лишь только увидел его, – невеста тебе не пара и свадьбе не бывать, но не беспокойся, я твой сват. Положись на меня, я высватаю тебе гораздо лучшую, а чтоб этого вдаль не откладывать, приходи вечером, и мы поедем туда, где ты увидишь, правду ли я говорю.

В назначенное время государь отправился с Румянцевым к графу Матвееву.

– У тебя есть невеста? – спросил Петр, когда Матвеев вышел ему навстречу. – А я привез ей жениха.

Торжественное шествие императрицы Екатерины II с Красного крыльца в Успенский собор. Д. Андруцкий с гравюры С. Путимцева по оригиналу Ж. Девельи и М. Махаева. 2-я пол. XIX в. Фрагмент

Глава III

Рассказы про Румянцева. – Пречистенский дворец. – Народное гулянье на Ходынском поле. – Фейерверк и парадные спектакли. – Устройство праздников по плану Екатерины II. – Присутствие императрицы на праздниках. – Приезд турецкого посла. – Парадный прием турецкого посланника Абдул-Керима. – Подарки султана. – Главнокомандующий Москвы князь М. Н. Волконский. – Характеристика этого вельможи. – Ассигнационный банк в Москве. – Первое появление ассигнаций. – «Меновые лавки». – Фальшивые ассигнации. – Пугачевский бунт. – Толки о нем в Москве. – Привоз Пугачева в Москву. – Суд над Пугачевым и казнь его на Болоте. – Приезд императрицы в Москву. – Реформы Екатерины II и разные милости. – Указ об экипажах и ливреях. – Пребывание государыни в Москве.

Неожиданное предложение привело графа в большое замешательство, тем более что он считал Румянцева как бедного дворянина недостойным руки своей дочери. Государь тотчас отгадал мысль Матвеева.

– Ты знаешь, – произнес он, – что я его люблю и что в моей власти сравнять его с самыми знатнейшими.

Нечего было делать графу, пришлось согласиться на желание такого свата. Девятнадцатилетняя дочь графиня Марья Андреевна была объявлена невестой Румянцева.

Существует еще другое предание про эту свадьбу. Бывши еще в девушках, графиня Матвеева была замечена Петром I, и однажды Петр из ревности, рассердясь на нее в Екатерингофе, телесно наказал ее на чердаке из своих рук и вскоре после того против желания ее родителей выдал за неимущего дворянина Румянцева.

После свадьбы Румянцева был произведен в бригадиры с пожалованием ему нескольких деревень. В царствование императрицы Екатерины I и Петра II он быстро шел по службе, но в грозное время временщика Бирона, за отказ принять должность главноуправляющего государственными доходами, был лишен чинов и знаков отличия и сослан в Казанскую губернию на жительство.

Там три года, как преступник, под строгим караулом влачил он бедственную жизнь. Наконец был прощен и назначен губернатором в Казань, а потом в Малороссию.

При императрице Елисавете Петровне он получил пост полномочного посланника в Константинополе, затем с успехом занимал на конгрессе в Або место полномочного от российского двора, где успел склонить шведских министров к выгодному миру для России, за что и награжден графским титулом, – он вскоре после этого и умер, в 1749 году, семидесяти лет от роду.

Жена его графиня Марья Андреевна скончалась 4 мая 1788 года, на девяностом году от рождения, и погребена в Невском монастыре, в Благовещенской церкви.

Сын фельдмаршала граф Николай Петрович был большой любитель и собиратель древностей, рукописей, редкостей и разных диковинок; музей его теперь известен в Москве. Граф имел свой дом на Покровке, и там во многих комнатах на потолках были рисованные и барельефные изображения баталий, где участвовал его отец Задунайский.

Этот дом впоследствии купил какой-то купец и соскоблил и счистил все эти славные воспоминания. Сын фельдмаршала живал не подолгу в Москве; он служил в Петербурге и был канцлером до 1812 года.

Под конец своей жизни граф Н. П. Румянцева отличался большими странностями. При нем самым приближенным человеком состоял его домашний шут, гермафродит Ион Иванович, или, как тогда все называли, Анна Ивановна; последний ходил в чепце и женском капоте, вязал чулок и шил в пальцах. Этот шут отличался крайне сварливым характером, брюзжал и злился на всех и часто дрался. Колотушки его нередко попадали и на долю самого графа, который сносил их с христианским смирением.

По рассказам, этот шут после таких побоев приносил к Румянцеву всегда горсть медяков в вознаграждение за побои и на эти медные деньги граф покупал деревянное масло, которое и теплил перед своим образным киотом в спальне.

Время пребывания императрицы в Москве, как мы выше говорили, ознаменовалось народными праздниками. Все эти празднества были устроены по мысли государыни.

Вот как она излагает свои планы празднеств в письме к Гримму:

«Так как вы говорите мне о праздниках по случаю мира, послушайте, что я вам расскажу, и не верьте всем вздорам, которые пишут в газетах. Сочинили было проект, похожий на все праздники: храм Янусу, храм Бахусу, храм диаволу и его бабушке и преглупые аллегии, нелепые уже потому, что оне были чудовищно громадны: это были гениальные усилия породить что-то, вполне лишенное здравого смысла.

Сильно рассерженная этими великолепными и обширными проектами, которые я отвергла, я в одно прекрасное утро призвала своего архитектора Баженова и сказала ему:

– Друг мой, в трех верстах от города есть луг; вообразите себе, что этот луг Черное море, что из города доходят до него двумя путями; ну, так один из этих путей будет Дон, а другой – Днепр; при устье первого вы построите обеденный зал и назовете его Азовом; при устье другого вы устроите театр и назовете его Кинбурном. Вы обрисуете песком Крымский полуостров, там поставьте Керчь и Еникале, две бальные залы; налево от Дона вы расположите буфет с вином и мясом для народа, против Крыма вы зажжете иллюминацию, чтобы представить радость двух империй о заключении мира. За Дунаем вы устроите фейерверк, а на той земле, которая должна представлять Черное море, вы расставите освещенные лодки и суда; берега рек, в которые обращены дороги, вы украсите ландшафтами, мельницами, деревьями, иллюминированными домами, и вот у вас будет праздник без вымыслов, но зато прекрасный, а особливо естественный.

Мой друг, восхищенный этой мыслию, тотчас схватился за нее, и так готовится праздник. Я забыла вам сказать, что направо от Дона будет ярмарка, окрещенная именем Таганрога... Правда, что море на твердой земле не совсем имеет смысл, но простите этот недостаток...»

Празднества, как мы уже говорили, вышли чрезвычайно удачны: благодаря простору, не было ни одного несчастья, которое бы омрачило народное веселье. Народное гулянье открылось на Ходынке 21 июля; торжества начались с утра этого дня и тянулись несколько дней подряд. На поле, как мы уже говорили, были построены разные крепости и города с турецкими названиями; были здесь залы бальные и обеденные, стоял и театр, был выстроен и потешный деревянный дворец; впоследствии он был перенесен на Воробьевы горы и поставлен на каменные подклети, оставшиеся от прежних царских теремов.

Кругом этого дворца разбит большой сад и аллеи. Все постройки на Ходынском поле были сделаны на турецкий образец, с разными вычурами: башнями, каланчами, с высокими минаретами, как при мечетях. На поле была устроена огромная ярмарка или базар на восточный манер, стояли кофейные дома, давалось народу даровое угощение, обеды и разные театральные представления. Места для зрителей были устроены на подмостках в виде кораблей с мачтами и парусами, в разных местах, которые названы именами морей, где Черное, Азовское, где река Дон; на острове Фанагории устроен театр для балансеров; в Азове и в Ногайских ордах стояли обеденные столы с жареными быками, с золочеными рогами, на каланчах били фонтаны вином.

С прибытием государыни на поле празднеств был подан сигнал к началу пиршества, многотысячная толпа быстро расхватила все яства. Государыня смотрела на гулянье с красиво устроенной для нее галереи, на которой стояла роскошно отделанная серебром и покрытая тигровым бархатом и белым атласом с букетами мебель, в окнах галереи виднелись фарфоровые вазы с цветами. Для императрицы и августейшего семейства в Азовской крепости был приготовлен на пяти столах обед на 139 персон, после обеда на театре давали французскую комедию.

После этого шла в одной из галерей и русская опера «Иван-царевич», затем был маскарад, где танцевали особенный для этого случая кадрили кавалеры и дамы, одетые в богатые турецкие и рыцарские костюмы.

На другой день государыня в городке «Таганроге» закупала богатые азиатские товары на большие суммы, вечером она отправилась на корабли, с которых и смотрела на блистательный фейерверк, изображавший Чесменскую битву. Фейерверк этот устраивал генерал-поручик Мелиссино. После фейерверка государыня на возвратном пути ко дворцу проезжала по дороге, по одним сторонам которой были устроены деревянные щиты с разноцветными шкаликами и плошками. По закрытии торжеств вскоре в Кремле был парадный прием турецкого посла с грамотой о вечном мире и подарками.

Присланный посол от турецкого султана был Абдул-Керим. Церемониальный въезд его от подъездного дома на Якиманской улице через Каменный мост, затем по Моховой, Никольской в посольский дом на Солянке был необыкновенно пышен; посол ехал в золотой карете в восьмерку белых лошадей с многочисленной свитой арабов, гайдуков, скороходов, окруженной придворными чинами в золотых кафтанах.

Аудиенция его у императрицы вышла также не менее торжественна. Подарки, поднесенные послом, были необыкновенно ценны: в них обнаружилась вся роскошь сказочного Востока.

В числе подарков было золотое зеркало, осыпанное алмазами и рубинами, с арабскою надписью следующего содержания: «Благословение и счастье, удовольствие и спасение, честь и победа, благая помощь и сила, власть и могущество, слава и долголетие владельцу». Драгоценнейший веер с алмазами, сапфирами, изумрудами и рубинами, такой же цены седло, усыпанное драгоценными камнями, пернат³⁶ и сабля, украшенная алмазами, яхонтами и жемчугами. Екатерина II осталась довольна подарками своего друга Абдул-Гамида, как она в шутку называла султана, и в своих письмах к иностранцам говорила: «Мне кажется, что дружба и согласие, которые установились между возлюбленным моим братом Абдул-Гамидом и мною, заставляют многих худеть».

Хотя мир с турками и был заключен, но завистливая Европа не переставала интриговать в Турции; точно так же и в то время, как теперь, турки беспрестанно нарушали условия мирного договора. По этому поводу государыня писала через два года к Гримму: «По имени мир наш существует, на деле же марабу (этим именем она часто называет турок) ежедневно его нарушают пункт за пунктом и потом опять хотят ставить заплаты... Мой братец Абдул-Гамид все тот же». Окончательного подписания некоторых пояснительных статей Кучук-Кайнарджийского мира императрица дождалась только спустя четыре года после войны, в чем ей помог своим влиянием французский посланник Сен-При; последний получил за это от императрицы Андреевскую звезду с алмазами.

После Салтыкова был назначен в Москву главнокомандующим князь М. Н. Волконский (1713–1789). Это был один из выдающихся вельмож века Екатерины, умный и добрый, с низшими необыкновенно обходительный и гордый только с временщиками. Императрица два раза мирила его с Потемкиным. Он успешно отправлял все важные государственные должности, возлагаемые на него государыней. В 1771 году назначенный главнокомандующим в Москву, на этом важном тогда посту он блистательно управляет столицей и деятельно ведет переписку с императрицей; при нем в Москве учреждается банк для вымена государственных ассигнаций, директором которого как в Москве, так и в Петербурге назначается граф Андрей Петрович Шувалов.

Первая контора ассигнационного банка была открыта на Мясницкой, в приходе архиерея Евпла: здесь был размен ассигнаций и медной монеты; последняя хранилась в подвалах и особых кладовых; то и другое имело необыкновенную сырость, и мешки с медью, произ-

³⁶ Пернат – род булавы.

водя постоянную россыпь, требовали нового счета, новой поверки; позднее в этом доме была винная контора. Сперва ассигнации в публичке встретили недоверие, но вскоре кредит бумажных денег и требование на них сильно возросли, но банк туго их выдавал, вследствие этого в Москве открылись меняльные лавки, или, как их тогда называли, «меновные лавки». Промен в последних в первое время существовал следующий: меняя крупные ассигнации на мелкие, платили промену по грошу с рубля; разменивая ассигнации на медь, брали по пяти копеек с рубля; разменивая рублики на ассигнации – по десяти копеек с рубля; а рублики на медные деньги – по восьми копеек с рубля. Первые ассигнации были следующего достоинства: 25, 50, 75 и 100 рублей.

По случаю появившихся фальшивых ассигнаций, переделанных из 25-рублевого достоинства в 75-рублевые, повелено впредь не делать 75-рублевых ассигнаций и всенародно было объявлено, чтобы каждый частный человек, имеющий такие ассигнации, в установленный срок представлял их для обмена на другого достоинства.

Подделывателями ассигнаций явились два брата Пушкиных, Сергей и Михаил, и Федор Сукин. Сергей Пушкин привез из-за границы штемпеля, литеры и бумагу для делания поддельных ассигнаций. Екатерина II ревностно взялась за преследование подделывателей и собственноручно прислала записку Волконскому, в которой выписывает наказание виновным: «Сергея Пушкина, который для делания штемпеля ездил в чужие края и с оными при обратном пути на границе пойман, следовательно, более других заботился о произведении сего вредного государственному кредиту дела, лишить чинов и дворянства и взвести на эшафот, где над ним переломить шпагу и поставить на лбу В, заключить его вечно, как вредного обществу человека, в какую ни есть крепость. Михаила Пушкина, как сообщника сего дела, лишить чинов и дворянства и сослать в ссылку в дальние сибирские места. Феодора Сукина, чрез колебание совести которого сие вредное дело открылось и Сергей Пушкин пойман, то смотря более на его неokaменелость в преступлении, нежели на его действительную вину, повелеваем лишить всех чинов и сослать в ссылку в Оренбургскую губернию. Имение же всех сих отдать ближним их по законам наследникам».

Кредит государственных ассигнаций после того сильно поколебался и только пятнадцать лет спустя приобрел в народе снова свою ценность. В 1786 году ассигнации были обменены на новые образцы, заготовлено было их на 50 000 000 рублей; всех обменено было прежних ассигнаций на сумму 46 219 250 рублей. В следующем году ассигнаций было выпущено уже на 100 миллионов рублей. К концу царствования Екатерины ассигнаций в обращении было на 157 миллионов рублей.

С 1768 по 1786 год бумага для ассигнаций делалась на красносельской бумажной фабрике графа Сиверса – есть предание, что в первое время не хватило материала для приготовления бумаги и что Екатерина приказала выдать все свое старое дворцовое белье: скатерти и салфетки.

Позднее была учреждена казенная бумажная мельница в Царском Селе.

Первые ассигнации готовились на белой бумаге, имели вид четвероугольника, по сторонам с внутренними просвечивающимися прописями; сверху – «Любовь к отечеству», внизу – «Действует в пользу онаго», с левой стороны – «Государственная казна» и с правой – достоинство ассигнации прописью; в конце следовали для возбуждения большего доверия подписи: двух сенаторов, советника правления и директоров банка, писанные собственноручно пером. Первые ассигнации были в обращении 18 лет.

Легкий способ и неограниченное право выпускать ассигнации, заменяющие наличные деньги, дали повод министру финансов во времена Николая I графу Е. Ф. Канкрину назвать их «сладким ядом государства». При Павле I число ассигнаций возросло до 212 миллионов; при Александре I в 1810 году сумма их достигала до 577 миллионов. С 1812 по 1817 год масса

всех ассигнаций, обращавшихся в народе, простиралась до 836 миллионов, зато и достоинство их упало на 75 процентов против серебряной монеты.

В течение этого времени народ привык считать серебряную монету в 25 копеек, или четвертак, ассигнационным рублем, и серебряная монета в 25 копеек принималась за 100 копеек медной монеты. Есть свидетельство, что в Отечественную войну Наполеон, желая подорвать окончательно наш кредит, пустил в ход массу фальшивых ассигнаций; по выходе французов из Москвы крестьяне представляли военному начальству доставшиеся им по разным случаям во время неприятельского нашествия сторублевые ассигнации французского изделия, так искусно подделанные, что даже в ассигнационном банке приняли их с первого взгляда за настоящие; они отличались от русских только тем, что подпись на них была выгравирована.

Данилевский в своей истории 1812 года говорит о письме Бертье к Наполеону, где последний, между прочим, изъявляет свою горечь о потере «последней своей коляски, в которой были самые тайные бумаги». Данилевский добавляет: «В ней найдено было нами очевидное доказательство плутовства Наполеона: доска для делания фальшивых сторублевых русских ассигнаций».

Известный следователь по раскольничьим делам И. Липранди уверяет, что эти фальшивые ассигнации печатались в Москве на Преображенском кладбище: московские старожилы ему указывали в 1846 году на две комнаты на этом кладбище, в одной из которых стоял станок для делания фальшивых ассигнаций, а в другой жили французские жандармы.

Возвращаемся опять к деятельности московского главнокомандующего князя Волконского. При возникновении пугачевского бунта императрица деятельно ведет с ним переписку, советуя ему «успокаивать умы жителей древней столицы». Князю Волконскому привелось также быть главным деятелем в суде над самозванцем. В Москве чернь была в таком настроении, что правительство одно время боялось, «чтобы Пугачев не наделал в ней какой ни на есть пакости». Вера в него как в Петра III там была очень сильна; в этих-то видах Москва и была избрана местом для суда и казни Пугачева.

Князь Волконский хотел сделать ввоз Пугачева как можно более гласным; он приказал изготовить особенную повозку, на которой стояла виселица, и к ней, стоя, должен был быть прикован Пугачев; наверху над ним должна быть доска, на которой большими буквами выписаны все его злодеяния.

Но императрица проект князя не одобрила, а приказала «его привезти днем под конвоем (окроме тех, кои с ним) сот до двух донских казаков и драгун без всякой дальней афектации и не показывая дальнее уважение к сему злодею и изменнику». Пугачева привезли в Москву в 10 часов утра 4 ноября 1774 года.

Народ массами встретил повозку с ним и провожал в бесчисленном количестве по всем улицам до Монетного двора (в Охотном ряду), где была приготовлена тюрьма для Пугачева. Множество карет с дамами собралось к Воскресенским воротам; думали, что Пугачев подойдет к окну. Но этого ему сделать было нельзя: по привозе в тюрьму его приковали к стене.

Жена и сын его помещены были в отдельной комнате. Следователи Шешковский и Галахов поселились в той же тюрьме; через час прибыл в тайную экспедицию и князь Волконский. К судьям в судейскую комнату ввели Пугачева, который пал на колени. Князь Волконский стал говорить с ним «исторически», каким он образом, где и когда он содейл злодейства и т. д. На вопросы Пугачев отвечал спокойно и ясно: «Мой грех, виноват» и проч. Послал Волконский и за женой Пугачева. Казачка не знала о делах мужа и отвечала на все вопросы неведением; Пугачев бросил ее еще за три года.

Для участия в окончательном суде прибыли в Москву генерал-прокурор князь Вяземский и П. С. Потемкин, возивший в Петербург следственное дело. 9 января 1775 года была подписана сентенция. Пугачев и Перфильев приговорены были к четвертованию. Казнь совершилась 16 января 1775 года в Москве, на Болоте. Вот что передают очевидцы о казни Пугачева:

«Эшафот был воздвигнут на середине площади; вокруг были поставлены пехотные полки, – начальники и офицеры имели знаки и шарфы сверх шуб, по причине жестокого мороза. Здесь же был и обер-полицеймейстер Архаров со своими подчиненными.

На высоте лобного места, или эшафота, стояли палачи. Позади фронта все пространство низкой ложины Болота, все кровли были усеяны зрителями; любопытные даже стояли на козлах и запятках карет и колясок. Вдруг все всколебалось и с шумом заговорило: „Везут! везут!“

Вскоре появился отряд кирасир, за ним необыкновенной высоты сани, и в них сидел Пугачев; он держал в руках две толстые зажженные свечи из желтого воска, который, от движения оплывая, залеплял ему руки; напротив его сидел священник в ризе с крестом и еще секретарь тайной экспедиции; за санями следовал отряд конницы. Пугачев был с непокрытой головою и кланялся на обе стороны.

Сани остановились против крыльца лобного места. Когда Пугачев и любимец его Перфильев в сопровождении духовника и двух чиновников взошел на эшафот, раздалось: „На караул!“ – и один из чиновников стал читать манифест.

При произнесении чтением имени злодея Архаров спрашивал: „Ты ли донской казак Емелька Пугачев?“ – „Так, государь, – отвечал последний, – я“ и проч. Во все продолжение чтения манифеста он, глядя на собор, часто крестился, тогда как его сподвижник, Перфильев, стоял неподвижно, потупя глаза в землю.

По прочтении манифеста духовник сказал им несколько слов, благословил их и пошел с эшафота.

Тогда Пугачев сделал с крестным знаменем несколько земных поклонов, обратился к соборам; потом с оторопелым видом стал прощаться с народом, кланялся на все стороны, говоря прерывистым голосом: „Прости, народ православный“.

После этого экзекутор дал знак палачам, и палачи бросились раздевать его; сорвали белый бараний тулуп и стали раздирать рукава шелкового малинового полукафтаны. Тогда он всплеснул руками, опрокинулся назад, и вмиг окровавленная голова уже висела в воздухе, палач взмахнул ее за волосы. С Перфильевым последовало то же. Четвертование было исполнено над трупами. Отрезанные части тела несколько дней выставлены были около московских застав и, наконец, сожжены вместе с телами, а пепел развеян палачами. Внук Пугачева был жив еще в 1890 году; он жил в одной из московских богаделен».

Через две недели после казни Пугачева в Москву прибыла императрица Екатерина и здесь принимала участие в удовольствиях столицы, где в то время праздники следовали за праздниками.

Роскошью и разнообразием их Екатерина старалась возвысить блеск своего двора и затмить пережитое ею тревожное время. Со дня открытия законодательной комиссии, более шести лет перед этим, Екатерина не позабыла своего неудовольствия на старую столицу и, возвратясь снова в ее белокаменные стены, говорила, что чума не истребила всего политического яда, корнящегося в этом городе.

Весною 1775 года в Москве изготовлялись важнейшие из реформ екатерининского царствования – новые губернские учреждения, которые явились главным результатом законодательной комиссии; образцом для этих учреждений послужило устройство остзейских провинций. Разумеется, подобный образец имел большую поддержку в остзейцах, занимавших многие значительные места при дворе и в администрации. Екатерина хотела сначала ввести новые учреждения только в Твери, в виде опыта. Но, как уверяет Сиверс, совет, состоявший из придворных льстецов, бросился к ее ногам и со слезами умолял немедленно обратить в закон такое великое благодеяние. Императрица уступила, и проект сделался законом.

В Москве также в это время вышел манифест «о высочайших дарованных разным сословиям милостях по случаю заключенного мира с турками». В числе пунктов этого манифеста

был один, который унижал достоинство граждан и облегчал чиновникам и недобросовестным богачам способы притеснять мелких торговцев.

Пункт этот предписывал гражданам, не имеющим капитала свыше 500 рублей, называться не купцами, а мещанами и платить по-прежнему подушные; купцы же всех трех гильдий освобождались от подушного и обязывались платить по одному проценту с «объявленного им по совести» капитала. Про этот манифест государыня писала к Гримму, что он ее лишает полутора миллиона дохода. Также не менее неудовольствия в Москве произвел указ и 3 апреля 1775 года об экипажах и ливреях.

Главным мотивом для распределения экипажей и ливрей соответственно разным рангам выставлено желание уменьшить «день ото дня умножающуюся роскошь». Сакен, саксонский посланник, доносил своему двору, будто этот указ произвел в Москве большее неудовольствие, нежели бедствия чумы и пугачевщина, а неслужащая часть дворянства, униженная новыми правилами, будто начала покидать столицу. Государыня в этот приезд пробыла в Москве почти год и на этот раз видимо осталась довольна древней столицей.

О своих тогдашних впечатлениях вот что она писала Гримму: «Я в восторге, что сюда приехала, и здесь все большие и малые в восторге, что меня видят... Этот город есть феникс, воскресающий из пепла; я нахожу народонаселение заметно уменьшенным, и причиной тому чума: она наверное унесла в Москве более ста тысяч человек. Но перестанем говорить об этом. Вы хотите иметь план моего дома? Я вам пришлю его, но не легка штука опознаться в этом лабиринте.

Я пробыла здесь два часа и не могла добиться того, чтобы безошибочно находить дверь своего кабинета, это торжество путаницы. В жизни я не видала столько дверей; я уж полдюжины велела уничтожить, и все-таки их вдвое более, чем требуется».

Какие неудобства императрица испытывала, видно, между прочим, из слов: «Сидя между тремя дверями и тремя окнами», а также из следующей выдержки: «У меня в Москве очень дурное помещение в грязном квартале, дом мой высок и сам по себе, и по местоположению, которое он занимает; соседние испарения распространяют там миазмы, более полезные в истерике, чем приятные, и я удаляюсь оттуда почаще...»

Панорама увеселительных строений на Ходынском поле в честь празднования победы над Турцией. 1775. Фрагмент

Петровский дворец близ Москвы. Литография А. Дюрана. 1840-е

Глава IV

Рассказы капитана де Белькура про Москву. – Подъездной дворец. – Загородные дома в Петровском. – Землянки французов. – Башиловка. – Архитектор Матвей Казаков. – Лобное место. – Историческое прошлое его. – Салтычиха. – Убийцы Жуковы. – Тайная канцелярия. – Истязания и пытки. – Вольная типография. – Н. И. Новиков. – Деятельность московских масонов. – Гроза, постигшая их. – Университетская типография. – Старые московские типографчики и книгопродавцы. – Возвращение Новикова в Москву. – Характеристика Новикова. – Рассказы про масонов. – Обряд посвящения в масоны. – Банкеты масонов. – Число масонских лож в Москве. – Запрещение масонских лож в 1822 и 1826 годах. – Забытая масонская ложа.

В царствование Екатерины II Москва, как уже мы выше говорили, не производила хорошего впечатления своими постройками. По словам Тесьби де Белькура, древняя столица имела вид «совокупности многих деревень, беспорядочно размещенных и образующих собой огромный лабиринт, в котором чужестранцу не легко опознаться». Вы видите тут, говорит он, огромные, роскошно изукрашенные палаты; но все строено в самом странном вкусе (*le goût le plus baroque*). Эти палаты окружены дрянными маленькими домишками, которые без преувеличения можно назвать балаганами.

Даже самый царский дворец в Кремле состоит из беспорядочных полуразрушенных построек, как будто он только что выдержал осаду от варваров-разрушителей. Улицы дурно расположены и так же дурно содержатся.

Благоустроенных общественных зданий нет, ни одно даже не заслуживает такого названия. Белькур восхищается только одними триумфальными (Красными) воротами, существующими по сей час.

Во время пребывания своего в Москве в 1775 году императрица Екатерина II повелела в память побед российских войск над оттоманами заложить подъездной дворец за Тверской заставой, на пустом месте, принадлежащем московскому Высокопетровскому монастырю.

Постройку дворца государыня препоручила известному зодчему Матвею Казакову. Дворец был назван по местности – Петровским – и выстроен в готическом вкусе. Екатерина II в первый раз остановилась в этом дворце в 1787 году.

Есть предание, что государыня во время своего пребывания здесь отослала все назначенные для нее караулы солдат, сказав, что она хочет остаться во дворце под охраной своего народа. И после того, как передает предание, толпы народа стали тесниться около дворца, остерегая друг друга, говоря: «Не шумите, не нарушайте покоя нашей матушки». Возле этого дворца уже в первое время стояли загородные дома: гр. Апраксина, кн. Волконского, Голицына и других, а также в лежащей около большой вековой роще уютилось несколько загородных трактиров и ресторанов; один из таких, под названием *Gastronome Russe*, долго славился своими гастрономическими обедами; его содержал француз-повар.

В Отечественную войну Петровская роща пострадала от неприятелей; самые большие деревья были вырублены на батарее. Французы в этой местности построили себе роскошные землянки с рамами, дверями, зеркалами и мебелью, взятыми из лучших барских московских палат. Но когда в Кремле вспыхнул пожар и французы начали выбираться из Москвы, то и император Наполеон выбрал своим местожительством Петровский дворец, а гвардия и свита его еще гуще разместились в этих землянках.

При выступлении неприятеля из Москвы многие отдельные отставшие его отряды в этой местности были разбиты крестьянами, и трупы убитых были зарыты в этих землянках. Но собственно Петровский парк обстроился только в тридцатых годах нынешнего столетия. В эти годы вся местность от Тверской заставы до Петровского дворца была разделена на участки и отдана желающим здесь строиться.

Самое большое пространство земли взял тогдашний начальник комиссии для построений А. А. Башилов; он выстроил здесь вокзал, где давались праздники с цыганами, фейерверками и т. п. В его же время был построен и Петровский летний театр. Улица Башиловка получила название от имени этого землевладельца.

Петровский дворец Казаков выстроил в семь лет. Государыне очень понравилось здание дворца. Кроме этого дворца, Казаковым в Москве построены: Голицынская и Павловская больницы, соборная церковь в Зачатиевском монастыре и здание присутственных мест в Кремле. В этом здании считается образцовым произведением зодчества ротонда с куполом, над которым видна императорская корона с надписью: «Закон».

До 1812 года здесь стоял колоссальный золотой св. Георгий на коне, изображающий герб Московской губернии. Эта ротонда была назначена для общих собраний губернского дворянства и для баллотирования новых членов через каждые три года. Купол этот считается по своей величине чудом архитектурного искусства. Существует рассказ, что, когда по его отделке были вынуты все подмости и леса, начальник кремлевской экспедиции М. М. Измайлов пригласил всех известных тогда архитекторов, в числе которых был и знаменитый Баженов, для освидетельствования здания и купола, и когда зодчие выразили некоторое сомнение в прочности его, то Казаков взошел на поверхность купола и более получаса стоял на нем.

Этот опыт, довольно наивный надо сказать, восхитил всех архитекторов, и по возвращении Казакова он был принят рукоплесканиями и криками «ура!». В первое время по постройке против главного входа в великолепной арке воздвигнут был императорский трон, обширные галереи с обеих сторон также были отделаны барельефами и гербами уездных городов Московской губернии. Когда в 1787 году Екатерина II с блестящей свитой обозревала эту постройку, то сказала сопровождавшему ее М. М. Измайлову:

– Я ожидаю, что благородные дворяне при первом своем собрании здесь для выборов, смотря на этот трон, припомнят, что я дала им и всему их потомству грамоту с правами и преимуществами важными.

После этого государыня обратилась к Казакову, сказав:

– Как все хорошо, какое искусство! Это превзошло мое ожидание; нынешний день ты подарил меня удовольствием редким; с тобою я сочтуса, а теперь вот тебе мои перчатки, отдай их своей жене и скажи, что это на память моего к тебе благоволения.

При выходе государыни из здания мастеровые приветствовали царицу восторженными криками. Императрица приказала им выдать 500 рублей. Казаков за постройку получил следующий чин, бриллиантовый перстень и значительную пенсию. Казаков пользовался благоволением императоров Павла I и Александра I. Им построено в Москве множество частных домов; он умер семидесяти девяти лет в чине действительного статского советника, по приезде его из Москвы в Рязань, во время нашествия французов в 1812 году.

На месте, где было воздвигнуто им колоссальное здание в Кремле, некогда стояли палаты князя Трубецкого и упраздненные церкви Св. Козьмы-Дамиана, Филиппа Митрополита и Введения во Храм Богородицы.

В числе построек нехудожественных и капитальных, но важных в истории Москвы в царствование Екатерины II на Красной площади, против Спасских ворот, было перестроено Лобное место; до этого оно было кирпичное с деревянною решеткой, которая запиралась железным засовом, имело навес или шатер на столбах; государыня приказала сделать его из дикого белого тесаного камня, круглый помост его с амвоном оградить каменными перилами, а с запада ступенчатый вход с железною решеткой и с дверью.

Позднее, при императоре Павле I, московское купечество хотело здесь поставить под куполом огромный крест с изображением Страстей Христовых, рая и ада, также св. мест Иерусалима, хранящийся в соборной церкви Сретенского монастыря, но почему-то этот план не осуществился, хотя проект и был одобрен митрополитом Платоном.

Лобное место издревле имело религиозное и государственное значение: сюда ставились приносимые в Москву святые мощи и образа, здесь служились молебны, здесь объявлялись указы народу, и отсюда народ узнавал об избираемых на царство царях, отсюда патриарх раздавал народу свое благословение, и здесь же совершались казни, вероятно по месту, недалеко от застенка, который помещался в Константиновской башне. При Петре I Лобное место было обставлено головами стрельцов, воткнутыми на кол, и только при Петре II, по указам 1727 года июня 10 и сентября 17, сняты виселицы и столбы, на которых были тела казненных. Лобное место получило свое название по валявшимся там черепам. Но полагают также, что название это произошло и от возвышенного места, кафедры (*lobium*), с которой нередко цари говорили с народом.

Отсюда Иоанн Грозный торжественно просил прощения у земли и обещал, в присутствии митрополита и депутатов государства, быть судьей и обороной своих подданных; там же он в 1570 году объявлял свой суд над обвиненными боярами; отсюда Василий Шуйский был провозглашен царем; с этого же места Лжедмитрий просил дозволения оправдаться ему перед народом; с Лобного же места патриарх в Вербное воскресенье по совершении молебствия ехал до соборной церкви на осяти, ведомом царем. У Лобного же места бывало самое раннее весеннее гулянье в Лазареву субботу, называлось оно «Под вербою».

Здесь была небольшая ярмарка, на которой продавалась верба для наступающего праздника недели Ваий, или Входа во Иерусалим; придельный храмовый праздник этого дня был в Покровском соборе, известном более под именем Василия Блаженного. С Лобного места нанимались попы служить обедни в домовые церкви.

У Лобного места при царе Алексее Михайловиче стояли пушки и был царев кабак, называемый «Под пушками». На этом же Лобном месте была поставлена на эшафоте палачом Салтычиха в саване, со свечою в руке, с листом на груди, на котором было написано: «Мучительница и душегубица». Салтычиха, Дарья Михайловна, была вдова Салтыкова и по связям покойного своего мужа принадлежала к самым знатным людям того века; загублено ею было крестьян и дворовых людей до 138 душ.

Гнев Салтычихи происходил только от одной причины – за нечистое мытье белья или полов. Побой Салтыкова наносила собственноручно палкою, скалкою, поленьями, или при ее глазах несчастных добивали плетями ее конюхи и гайдуки.

Замечательно, что сердце этой ужасной женщины было доступно любви: она питала самую нежную, сердечную любовь к инженеру Тютчеву. Жила эта тигрица в Москве, в собственном доме, на углу Кузнечного моста и Лубянки. Дело Салтычихи тянулось шесть лет. Салтычиха от всего отпиралась, говоря, что все доносы были сделаны на нее из злобы. Судья просил императрицу, чтобы она позволила употребить над ней пытку; государыня не согласилась, но только приказала перед глазами Салтычихи произвести пытку над кем-нибудь из осужденных, но и это не привело последнюю к раскаянию. Но наконец «душегубицу и мучительницу» приказано было заключить в подземную тюрьму под сводами церкви Ивановского монастыря, пищу приказано ей было подавать туда со свечою, которую опять гасить, как скоро она наестся. Пищу подавал ей солдат, сперва в окно, потом в дверь.

По сказанию старожилов, от своего тюремщика она родила ребенка. Салтычиха была в старости очень толстая женщина, и когда народ приходил смотреть в окошечко, самовольно отдергивая зеленую занавесочку, желая посмотреть на злодейку, употреблявшую, по общей молве, в пищу женские груди и младенцев, то Салтычиха ругалась, плевала и совала палку сквозь открытое в летнюю пору окошечко. Салтычиха была заключена в склепе тридцать три года, умерла в 1800 году и похоронена в Донском монастыре. Застенок, в котором она сидела, разобран вместе с церковью в 1860 году.

В царствование Екатерины II отправление карательного правосудия с принесением публичного покаяния совершалось как на Лобном месте, так и на улицах Москвы. Государыня

такими гласными обрядами хотела действовать на дух и нравственность народа, возбуждая омерзение к ужасным преступлениям. Из таких примеров известен был в 1766 году еще один, когда по московским улицам при громадном стечении народа отряд солдат с заряженными ружьями, со священником с крестом провожал босых, скованных мужчину и женщину, в сава-нах, с распущенными волосами, которые падали на глаза; это были Жуковы, убийцы своей матери и сестры.

Они останавливались пред дверьми Успенского собора, перед церквями Св. Петра и Павла в Басманной, Параскевы Пятницы на Пятницкой, у Николы Явленного на Арбате и т. д. Там читался им манифест. Преступники, стоя на коленях, должны были прочесть сочиненную на этот случай молитву и неоднократно повторять пред народом покаяние.

В екатерининское время Тайная канцелярия была уничтожена, но вскоре открылась Тайная экспедиция, что было одно и то же. В сороковых годах нынешнего столетия старожилы московские еще помнили железные ворота этой «тайной», где караул стоял во внутренности двора; страшно было, говорили, ходить мимо них. В застенках и каменных мешках содержались заподозренные и оговоренные люди в кандалах, колодках и нередко с кляпом во рту. Туда не допускались ни родные, ни знакомые, ворота отпирались только при особенных случаях или рано утром, или поздно ночью. Места заключения назывались в старину «порубами», «ямами», погребями, каменным мешком, где нельзя ни сесть, ни лечь. В Константиновской башне, по стене Московского Кремля, к ней ведущей, существует посейчас крытый коридор с узенькими окошечками, где содержались приговоренные к пытке с заклепанными устами, которые расклепывались для ответа и для принятия скудной пищи, и прикованные к стене, в которой были железные пробои и кольца.

Употребительнейшая из пыток в то время была дыба, или виска: истязуемому завертывали и связывали назад руки веревкою, за которую подняв вверх на блоке, утвержденном на потолке, вывертывали руки из суставов, а к ногам привязывали тяжелые колодки, на которые становился палач и подпрыгивал, увеличивая мучения истязуемых. Кости, выходя из суставов, хрустели, ломались, иногда кожа лопалась, жилы вытягивались, рвались. В таком положении пытаемого часто били кнутом по обнаженной спине так, что кожа лоскутьями летела, и после еще встряхивали по спине зажженным веником. Когда снимали с дыбы, палач вправлял руки в суставы, схватив за руки и вдруг дернув наперед.

Иногда, для вынуждения признания у преступника, перед ним пытали «на заказ» другого злодея, дабы тем вынудить правду у обвиняемого, также кормили подозреваемого соленым и сажали его в жарко натопленную баню, не давая ему пить до тех пор, пока не вымучат признания, часто ложного.

При истязаниях секли иногда и сальными свечами; последние причиняли ужасное мучение. Допрашивали «подлинную» также подлинниками, или смоляными кнутами, к хвостам которых прикреплялись кусочки свинца. Наказывали кнутом преступника, положив его на спину другого. Аббат Шапдатрош³⁷ приводит в своем путешествии описание такого наказания над Натальей Лопухиной, статс-дамой, первой красавицей своего времени в царствование Елисаветы Петровны, за участие в заговоре маркиза Ботта.

«Простая одежда, – говорит он, – придавала новый блеск ее прелестям. Один из палачей сорвал с нее небольшую епанчу, покрывавшую грудь ее; стыд и отчаяние овладели ею, смертельная бледность показалась на челе ее, слезы полились ручьями. Вскоре обнажили ее до пояса в виду любопытного, молчаливого народа; тогда один из палачей нагнулся, между тем другой схватил ее руками, приподнял на спину своего товарища, наклонил ее голову, чтобы не задеть кнутом. После кнута ей отрезали часть языка».

³⁷ Voyage en Siberie, Amsterdam, 1769.

Екатерина II запретила наказывать на спинах других, а приказала делать на станке и козе. В застенках нередко истязуемого подымали на блоке вверх, разводили под ним огонь и мучили его жаром и дымом или привязывали его на кол, так что можно было его вертеть над огнем, как жаркое на вертеле. Для выведывания тайны также забивали под ногти спицы или гвозди; это называлось «выведать всю подноготную».

При Бироне иногда виновных бросали с камнем в реку, чтобы «след простыл». Ранее этого так казнили отцеубийц на Руси: связав им руки и привесив камень или надев на голову куль, кидали в воду. Также, по преданию народному, их живыми опускали на дно могилы, а на них ставили гроб с телом убитого и таким образом засыпали землей.

За подделку денег лили в горло олово и отсекали руки. При Петре I было введено колесование, заимствованное от шведов, и вешание за ребра – колесовали разбойников и вешали за ребра воров; за поджоги и колдовство сжигали живыми. Последнюю казнь несли также еретики и неудачные врачи. К жесточайшим мукам причисляли также литье воды по каплям на обритую голову, причем на уши клали горячие угли.

Против тайного судилища на площади стояло в екатерининское время низенькое каменное здание вольной типографии, содержанием которой был известный Н. И. Новиков.

Кроме этой типографии, у Новикова было еще две: одна в Армянском переулке, в доме, теперь занимаемом Лазаревским институтом, и другая – у Сухаревой башни, в доме Генрихова; у Новикова была еще и четвертая, тайная; последняя помещалась в одном из его домов.

Другая тайная типография масонов была у И. В. Лопухина. О новиковской типографии упоминает князь Трубецкой в письме к неизвестному петербургскому брату-масону: «Уведомляю тебя, мой друг, что, благодаря Спасителю нашему, мы открыли тайную орденскую типографию, в которой нужные переведенные книги для братьев печататься будут. Бр. Новиков посылает тебе при сем начатые в оной печататься книги: „О молитве“ и „Дух масонства“. Сокрывай оные от всех, а употребляй только сам для своего чтения и познания».

Из тайной же типографии московских масонов вышла, по всей вероятности, и книга, которую Сопиков называет редчайшею, именно «Божественная и истинная метафизика» Пордеча, вышедшая без означения года и места печати. Во второй типографии печатались на французском языке небольшие сборники условных масонских знаков, ударов и т. д., и здесь же, у Лопухина, был отпечатан и его *Catéchisme moral pour les vrais F. M.* 5790. Катехизис этот, как говорит Лопухин, он отдал знакомому книгопродавцу продать как новую книжку, полученную из чужих краев³⁸.

В числе домов Новикова в Москве был теперь известный своею доходностью и обширностью так называемый Шипов дом и здание нынешних Спасских казарм. Новиков, помимо домов, имел обширную книжную лавку в Москве и комиссионеров в шести губернских и уездных городах. Новиков имел в Москве много друзей, в числе которых были самые влиятельные люди, как, например, московский главнокомандующий князь Долгоруков-Крымский, преемник его граф З. Г. Чернышев, граф П. Панин, московский куратор университета Херасков и многие другие.

Последний и дал возможность снять Новикову в аренду типографию Московского университета и издавать «Московские ведомости»; при Новикове последние вместо малой четверки стали печататься в большую и в две колонны и выдаваться по средам и субботам. В кабинете этого содержания типографии стали собираться вельможи и профессора и люди, замечательные по своим дарованиям; одни содействовали успехам российской словесности своим влиянием, другие своими трудами и советами. «Ведомостей» тогда расходилось уже до 4000 экземпляров.

³⁸ На русском языке «*Catechisme moral pour les vrais*» был издан несколько раз. Позднее И. П. Тургенев, по плану Лопухина, сочинил книгу под заглавием «Кто может быть добрым гражданином и верным подданным?».

Желая приохотить публику к чтению, он завел первую в Москве библиотеку для чтения, открытую в его доме у Никольских ворот, для безденежного пользования всеми желающими. Книжная деятельность Новикова росла, типографские станки работали без устали, Москва зажила сильным литературным движением.

Когда было назначено освидетельствование книг, находящихся в магазинах Новикова, то реестр показал, что их было 362 книги разного названия, 3 названия отпечатанных, но не поступивших в продажу, и 55 названий еще печатавшихся в его типографиях. Но скоро гроза постигла Новикова, общество мартинистов³⁹ обратило на себя внимание правительства, и в числе первых таких жертв был Новиков и его близкий друг Ив. Вл. Лопухин. Главнокомандующий тогда в Москве князь Ал. М. Прозоровский приказал книжные магазины и типографию Новикова запечатать, и 11 февраля 1793 года по указу Екатерины II всех новиковских изданий было сожжено 18 656 книг. Лопухина сослали на жительство в деревню, Новикова же постигла участь более тяжкая.

Он жил тогда в деревне своей и сильно скучал, предчувствуя еще большую беду, и, как рассказывали его дети, несколько дней сряду прилетал на крышу его дома ворон и зловещим своим криком не давал покоя ни хозяину, ни его семейству. Вскоре Новиков был арестован, взят под стражу и привезен в Москву, где содержался три недели. За Новиковым в село его Авдотьино был послан целый эскадрон полицейских драгун под начальством князя Жевахова.

По этому случаю граф К. Г. Разумовский сказал князю Прозоровскому:

– Вот расхвастался, как город взял! Старичонка, скорченного геморроидами, взял под караул. Да одного бы десятского или будочника за ним послать, так и притащили бы его.

Для следствия над Новиковым прислан был в Москву известный Шешковский, и после вопросных пунктов, данных им Новикову, на которые он отвечал удовлетворительно, ему была предложена подписка в том, что он отказывается от своих убеждений и признает их ложными. Новиков не согласился дать подписку и был отправлен в Шлиссельбург; по просьбе его ему было дозволено взять с собою одну книгу – Библию, которую он читал во время своего заточения и выучил всю наизусть.

В Шлиссельбурге сначала содержали его очень строго, но впоследствии императрица дозволила ему прогуливаться внутри крепости. Там Новиков содержался до вступления на престол Павла I. О судьбе Новикова в Москве ходили разные тайные слухи. Так, в дневнике А. Т. Болотова находим под числом 12 января 1796 года:

«Славного Новикова и дом, и все имение, и книги продаются в Москве из магистрата, с аукциона – и типография, и книги, и все. Особливое нечто значило. По-видимому, справедлив тот слух, что его нет уже в живых, – сего восстановителя литературы».

После Новикова университетская типография поступила на откуп к известному в свое время архитектору, ученику и помощнику Баженова – Василию Ивановичу Огорокову с его родственником Цветушкиным. В это время типография и книжная и газетная лавка перемещены были от Воскресенских ворот на Тверскую, в дом бывшей межевой канцелярии, который впоследствии был пожалован Екатериною II Московскому университету.

С этого времени и Вражский Успенский переулок, идущий с Тверской на Никитскую улицу, стал называться Газетным, потому что в нем была первая газетная лавка, где подписчикам раздавались московские газеты. Впоследствии там, где была книжная лавка, существовала церковь университетского благородного пансиона.

По возвращении из Шлиссельбурга Новиков по зимам жил в Москве, а летом в селе Авдотьино; приехал он из ссылки дряхлым стариком, в разодранном тулупе. Московские старики, жившие еще в пятидесятых годах, хорошо помнили старика Новикова, ходившего с

³⁹ *Мартинисты* – мистическая секта, основанная в XVIII в. Мартинесом Паскалисом; члены ее считали, что могут иметь сверхъестественные видения.

палкой, в гороховом широком сюртуке, черном бархатном жилете и белом галстуке. Черные волосы его, уже тогда редкие на лбу и на висках, зачесанные назад, открывали красивый его лоб, брови его дугою, орлиный нос; нижняя часть лица выражала кротость и добродушие.

Вот как описала наружность Новикова княгиня Е. Р. Дашкова в письме к Ив. В. Лопухину: «Мне он тотчас же бросился в глаза, и я бы тотчас его узнала, без всех ваших рекомендаций, по одному его черному пасторскому кафтану, по его башмакам с черными, особенно глянцевыми пряжками. Лицо его открыто; но не знаю, я как-то боюсь его; в его прекрасном лице есть что-то тайное».

Всегдашним спутником Новикова в прогулках по улицам Москвы был его душевный друг, тоже масон, бывший правитель канцелярии главнокомандующего в Москве графа Чернышева С. И. Гамалея; последний был небольшого роста, имел высокий лоб, маленькие глаза с нависшими бровями; в обществе был молчалив, отчего казался суровым, но у себя в кабинете был очень ласков и словоохотлив, говорил очень убедительно и с одушевлением.

Вышедши в отставку, он не имел ничего и потому был приглашен Новиковым жить у него в деревне, где к окошку его комнаты приходило множество нищих, и он всегда сам выходил на крыльцо, разговаривал с ними и раздавал медные деньги. Гамалея получал пенсии сто рублей в год; в службе он был бескорыстен, и никогда никто не смел ничего предложить ему в знак благодарности. Рассказывают, что один богатый московский купец, будучи чем-то ему обязан, хотел угостить его обедом, и, узнав, что он любит рыбный стол, достав лучшую и редкую рыбу, он позвал своих знакомых и пригласил Гамалея; последний принял его приглашение только с условием, чтобы весь стол был приготовлен из любимой его рыбы, самой дешевой плотвы.

Купец понял намерение честного Гамалея, отказал своим гостям и должен был с ним вдвоем есть плотву, которой, может, и вкусу до того времени не знал.

Сам Новиков был такой же глубоко религиозный и чисто нравственный человек, как и друг его; про него выразился митрополит Платон: «Дай Бог, чтобы во всем мире были христиане таковые, как Новиков». Новиков обладал огромными талантами, образованием и благороднейшим характером; он был главою кружка московских масонов; лучшие люди его времени, как, например, граф Чернышев, Лопухин, Репнин, Тургенев, митрополиты Платон, Михаил (Десницкой) и Серафим (Глаголевской), считали его своим другом.

Новиков умел адептам⁴⁰ своим словом внушать подвиг и чисто христианской братской любви.

Известен, например, следующий случай, когда в Москве был голод и на съестные припасы стояла неслыханная дороговизна. В одном из собраний своего общества бедствия неимущего класса были описаны им так красноречиво, что один из слушателей встал, подошел к оратору и прошептал ему что-то на ухо; это был человек не старый, известный богач премьер-майор Григ. Мак. Походяшин⁴¹. Речь Новикова так сильно на него подействовала, что он тут же отдал на помощь бедным все свое огромное состояние.

На деньги этого богача Новиковым была открыта безденежная раздача хлеба неимущим в Москве; это изумило всех москвичей, хотя и привыкших к благотворительным действиям Новикова. Никто не мог понять, откуда взялись средства к такому благодеянию, когда четверть ржи стоила двадцать рублей.

С этой минуты добровольно разорившийся Походяшин исполнился какого-то благоговения к Новикову. В Москве думали, что он разорился на лечение своей жены, и только впоследствии узнали настоящую причину его бедности. Походяшин пережил Новикова; над смертным одром его висел портрет Новикова, и смотреть на него было единственным утешением

⁴⁰ *Адепт* – ревностный приверженец какого-либо учения.

⁴¹ Отец Походяшина был простой извозчик, возивший руду на заводах в Сибири; он составил себе миллионное состояние открытием медных рудников.

человека, жившего когда-то в роскоши и умиравшего на чердаке, в положении, близком к нищете. Просвещеннейшие москвичи весьма сочувственно относились к деятельности Новикова и были усерднейшими его адептами. Но несмотря на все добрые дела московских масонов и очевиднейшую их благонамеренность, в тогдашнем обществе об них ходила самая дурная слава.

Одной из важнейших причин такой дурной славы, без сомнения, должно считать ту таинственность, в которую их учение облакало все собрания. Державин говорит о своей тетке Блудовой, считающей появившихся в Москве масонов отступниками от веры, еретиками, богохульниками, преданными антихристу, о которых разглашали невероятные басни, что они заочно за несколько тысяч верст неприятелей своих умерщвляют, и тому подобные бредни.

Про масонов говорили также, что в их обществе мужчины и женщины живут все безразлично одни с другими, что члены их дурачат идиотов и обирают их, что они идолопоклонники, служения свои производят на высотах или в подвалах, причем исполняют многие магические обряды, проводят на земле черты и фигуры, разводят огни, делают заклинания, клянутся на мертвой голове, спят в гробах со скелетами и проч.

Рассказывали также про обряды посвящения, что брали при этом клятвы служить дьяволу. Также порицали все знаки и непонятные слова для профанов при встречах и при разговорах масонов друг с другом.

Но вот кто были эти страшные московские масоны, или мартинисты, во главе которых стоял Новиков. По словам записки Карамзина, составленной для того, чтобы напомнить о печальной судьбе семейства Новикова, они были не что иное, как христианские мистики; толковали природу и человека, искали таинственного смысла в Ветхом и Новом Завете, хвалились древними преданиями, унижали школьную мудрость и проч.; но требовали истинных христианских добродетелей от учеников своих, не вмешивались в политику и ставили в закон верность к государю.

Помимо этого, мартинисты имели и другое глубокое значение: они проповедовали чистую евангельскую любовь, не щадили капиталов в пользу благотворительности бедным и несчастным и заботились об устройстве больниц, аптек и школ. Нравственная сторона их учения заслуживает полной симпатии; она вполне объяснена в катехизисе И. В. Лопухина, отпечатанном на французском языке, и в других масонских сочинениях.

Наклонность к мистицизму, составлявшему одно из существенных качеств масонов, была характеристическою чертою века; мистицизм возник в противовес крайнему учению энциклопедистов.

Существует рассказ, что глубоко религиозный Новиков был выбран друзьями-масонами без всяких предварительных объяснений. Однажды посещавшие его приятели собрались к нему в известном числе и после небольшого вступления, не требуя от него обета, прочли ему принятие и, против ожидания, его поздравили членом своего общества.

— Мы знаем тебя, — говорили они, — знаем, что ты честный человек, и уверены, что не нарушишь тайны.

Общество, в которое был введен Новиков, составляло «Великую провинциальную ложу», мастером которой был И. П. Елагин, секретарем ложи — известный стихотворец В. И. Майков⁴². Между московскими масонами, в первое время по открытии лож, находилось много людей, серьезно преданных благу человечества, желавших распространения просвещения и благотворительности.

Но позднее, в павловское и александровское время, принадлежать к масонам было лишь простою модой, завезенною из-за границы, и большинство светских людей вступало в

⁴² В. И. Майков во время пребывания Дидерота в Петербурге состоял при нем по приказанию Екатерины II, и замечательно то, что Майков совсем не знал французского языка.

ложу лишь ради заманчивой таинственности и тесного равенства, соединяющих между собою вообще масонов, несмотря на различие сословий и национальностей.

Избрание таких «профанов» в первую степень масона – «шотландского ученика» – в ложах сопровождалось разными таинственными приемами. Посвященного с завязанными глазами, полураздетого, с оголенным плечом и рукою водили по подземельям, заставляли клясться на Библии и мече, окружали остриями мечей, ставили на кабалистический треугольник или ковер, клали в гроб, заставляли переплывать воду или пробегать через огонь и т. д.

В конце концов испытываемому вручали передник и перчатки и давали еще небольшой ключ из слоновой кости, отпирающий дверь ложи; при этом шотландскому ученику сообщался пароль или слово, по которому он узнавал брата-масона; помимо этого, объяснялось также ему, как делать рукопожатие и другие знаки при встречах с незнакомыми братьями-масонами.

Масоны позднейшей уже, Александровской, эпохи любили носить различные знаки в виде булавок, брелоков, перстней с мертвой головой и т. д. Одно время отличительным знаком всякого масона был длинный ноготь на мизинце. Такой ноготь носил и Пушкин; по этому ногтю узнал, что он масон, художник Тропинин, придя рисовать с него портрет. Тропинин передавал покойному князю М. А. Оболенскому, у которого этот портрет хранился, что когда он пришел писать и увидел на руке его ноготь, то сделал ему знак, на который Пушкин ему не ответил, а погрозил ему пальцем. Этот бесспорно лучший портрет нашего поэта принадлежит теперь дочери князя М. А. Оболенского, княгине А. М. Хилковой.

Каждый вступающий в масоны в екатерининское время пред введением в ложу обязан был клятвенно обещать исполнить наистрожайше следующее: 1) прилежное упражнение в страхе Божиим и тщательное исполнение заповедей евангельских; 2) непоколебимую верность и покорность своему государю, с особливою обязанностью охранять престол его не только по долгу общей верноподданным присяги, но и всеми силами стремясь изобретать и употреблять всякие к тому благие и разумные средства и таким же образом стараясь отвращать и предупреждать все оному противное тайно и явно, наипаче в настоящие времена адского буйства и волнения против властей державных; 3) рачительное и верное исполнение уставов и обрядов своей религии и т. д. (только одни христиане могли быть выбраны в масоны).

Затем следовало «приуготовление». В назначенной комнате приготавлилось три стола, покрытые один черным, другой белым, третий желтым; на первом лежала Библия, раскрытая на 6-й и 7-й главах Книги премудрости Соломоновой, знак рыцаря, то есть крест в сердце, обнаженный меч, погашенный светильник, кость мертвой головы, над которой зажженная лампада, небольшой сосуд с чистою водою и дощечка с надписью: «Познай себя, обрящеши блаженство внутри тебя сущее». На втором столе полагалось изображение пламенной звезды, а на третьем – рукомойник с водою, белые перчатки и мастерская золотая лопатка.

Введение профана к приуготовлению. Он вводился с завязанными глазами, в мантии, на которой изображено на левой стороне обвитое змеем сердце, посреди сердца – малый свет, еще помраченный тенью. Затем следовала первая беседа – брат-вводитель обращался к вводимому с вопросами: восчувствовал ли он, что тьма его окружает, истинно ли желает искать премудрости и т. п. – и потом надевал на него знак рыцаря, прикрепленный к шнурку, на котором пять узлов – в ознаменование, что он должен обуздать свои чувства. Вторая беседа – поступающий в общество должен омыть свои глаза, и тут же ему вручается меч на борьбу с царством тьмы и возжженный светильник для освещения пути к храму премудрости. Третья беседа – вместо прежней надевается на него другая мантия, у которой левая сторона белая, с изображением кровоточивого сердца, окруженного лучами света; правая же сторона мантии темная. Кандидат омывает руки, надевает белые перчатки, и вводитель привешивает ему лопатку.

Принятие. Вводитель стучится в двери к председателю, и на вопрос: «Кто там?» – брат-обрядоначальник отвечает: «Испытанный, омовенный, знаменiem избрания и ранами, на добром подвиге полученными, украшенный желатель премудрости». «Таковому не должно и не

можно воспретить вход», – отвечает председатель. Кандидат входит и дает обещание стараться всеми силами: 1) испрашивать премудрости от Бога, служить Ему и кланяться духом и истиною; 2) хранить душу и тело от осквернения и прилежно убегать всего, что может препятствовать наитию духа премудрости, ибо в злохудожную душу не внидет премудрость, ниже обитает в телесе, повиннем в грехе; 3) любить ближних и служить им желанием, мыслями, словами, делами, примером.

После разных обрядов и наставлений председатель дает ему золотое кольцо с вырезанным внутри крестом и словами: «Помни смерть»; рыцарский знак надевается на него уже на розовой ленте, а мантия белая; вместе с этим нарицается ему новое имя.

Выборы в степени «учеников, братьев и мастеров» и в другие высшие степени всегда зависели от собрания «Великой ложи». Все масоны, несмотря на различие национальностей и положения, были связаны между собою тесными узами.

Самые торжественные собрания у масонов происходили накануне праздника Рождества Христова.

В этот вечер все собирались во всех своих украшениях под предводительством старшего настоятеля, читались торжественные речи, затем садились за стол, беседовали «в благоустройном веселии и пениях благочестивых», продолжая это до самой полуночи. Как же скоро пробьет 12 часов, то по знаку настоятеля все вставали и, воспев радостную песнь в прославление Спасителя мира, закрывали собрание.

В этот вечер делался главнейший сбор деньгами на какую-либо «чувствительнейшую помощь ближним, во славу рождаемого Спаса».

В масонских собраниях XVIII века пелись различные хоры и песни, многие из таких песен сопровождалось постукиванием рюмок и стаканов – рюмки и стаканы, употребляемые на масонских банкетах, были особенной формы, с толстым и крепким дном. В начале шестидесятых годов были еще живы два-три старика из придворных певчих, которые певали в былые годы масонские песни в ложах. Сборник масонских песен был отпечатан тайно в какой-то типографии, с обозначением города Кронштадта.

В Москве масонских лож существовало более сорока. Первая из масонских лож – «Клио» – была основана в 1763 году; есть известие, что императрица Екатерина II была попечительницей (tutrice) ложи «Клио»⁴³. Через десять лет спустя в Москве была основана вторая ложа – «Трех мечей» («Zu den drei Degen»); в этой ложе был мастером известный друг Новикова – Шварц. Ложа располагала большими денежными средствами, которые получила от графини Чернышевой. В 1774 году была основана третья ложа в Москве, приезжими купцами-иностранцами, и носила она название *La Réunion des Etrangers*. В 1775 году из Петербурга перенесены ложи «Латоны» и «Горуса» (Horus), и в этот же год, под управлением Новикова, открыты четыре еще младшие ложи, где мастерами были Лопухин, Гамалея, Кутузов и Ключарев, и в этот же год была перенесена из Петербурга в Москву «Ложа Озириса» и также основан в Москве орден «Тамплиерства» бароном Бенингсом. Ешевский говорит⁴⁴, что братья-масоны усомнились в законности Бенингсова основания и обращались чрез посредство ложи «Трех глобусов» к герцогу Брауншвейгскому. В 1779 году основаны ложи «Аписа», «Трех Знамен», или «Мастер-ложа»; мастером здесь был П. А. Татищев. Под начальством Татищева в Москве работали еще три другие масонские ложи: в одной из них мастером стула был сын Татищева, в другой – купец Таусен.

Около этого же времени в Москве, по показанию Новикова, были еще две ложи «настоящих французских»; в одной из этих лож главным двигателем был приезжавший в то время в Москву известный граф Калиостро.

⁴³ См. Notice historique sur la F. M. dans l'Empire de Russie, par M. Thory.

⁴⁴ См. соч. Ешевского, т. III, с. 473, 499.

В 1786 году была в Москве еще эклектическая ложа «Гармония», где соединялись братья разных лож для лучшего устройства русского масонства. Мастером был в ней известный Шварц. В 1782 году, 21 октября, была основана ложа «Девкалиона»; мастером стула здесь был известный Гамалей.

В 1783 году открывается в Москве ложа «Сфинкса»; под начальством князя Гагарина, эта ложа была признана четвертой ложей-матерью. В 1784 году в Москве возникает ложа «Блистающей звезды» под руководством мастера стула И. Вл. Лопухина; затем ложа «Св. Моисея», где мастером был Ф. П. Ключарев, и ложа «Светоносного треугольника», здесь мастером стула был А. М. Кутузов, и в этом же году, 1 сентября, московские розенкрейцеры⁴⁵ учреждают «Типографскую компанию».

1785 и 1786 годы для московских масонов полны разных тревог; в эти годы масонство со стороны правительства подпадает под строгий присмотр. 23 декабря выходит указ Екатерины II к митрополиту Платону и графу Брюсу об испытании Новикова в законе Божиим и рассмотрении изданных им книг; через месяц следует другой указ московскому губернатору П. В. Лопухину об осмотре масонских больниц и школ.

В этом году ходят в московском обществе упорные слухи, что некоторые масонские собрания стали превращаться в политические клубы; молва обвиняет в якобинстве гр. Строганова, Репнина, Шувалова и еще некоторых других вельмож. В 1786–1787 годах московские розенкрейцеры просят покровительства у великого князя Павла Петровича. В 1788 году основывается в Москве ложа «Пламенеющей звезды» («Zum flammenden Stern»). В марте 1790 года опять гроза наступает для масонов. Екатерина II поручает князю Прозоровскому следить без огласки за московскими масонами; в следующем году уже в Москву приезжают гр. Безбородко и Архаров для разведывания о масонах; в ноябре этого же года уничтожается типографская компания.

В 1792 году, как мы выше уже упомянули, – обыск типографии Новикова и арест его самого и заключение в крепость в Шлиссельбурге. Затем строго следят за всеми масонами, делают обыски, и идут аресты. Так, возвращавшихся из-за границы масонов Невзорова и Колокольникова сперва заключают в Невский монастырь, а после сажают их в крепость.

В 1793 году выходит указ Екатерины об истреблении запрещенных и вредных новицких изданий; вследствие этого сожжено на Болоте руками палачей более 18 656 книг.

В последующем году и в царствование императора Павла I в Москве о масонстве нет никаких известий, но несомненно, что ложи за все эти годы действовали, но держались в большой тайне. Снова же масонские ложи в Москве воскресают уже в царствование императора Александра Благословенного; в числе первых лож этой эпохи здесь известны были «Ложа тройственного спасения», основанная от «Астреи»; мастером стула здесь был купец Розенштраух; ложа эта помещалась в Демидовом переулке, в приходе Богоявления Господня; братьями были здесь почти все иностранцы.

Затем в то время не менее известна также была ложа «Ищущих манны», где мастером стула был С. П. Фонвизин, ритор Ал. Ив. Поздеев, известный орловский помещик Малоархангельского уезда; первый стуарт был Вас. Львов. Пушкин. В 1822 году вышло запрещение тайных обществ и масонских лож и затем, в 1829 году, новое подтверждение этого запрещения. Но, кажется, несмотря на строгое запрещение, масонские ложи тайно еще в Москве существовали, хотя и в крайне ограниченном числе.

Так, пишущему эти строки передавал известный московский старожил, директор московского архива, покойный князь М. А. Оболенский, что еще в конце пятидесятих годов нынешнего столетия где-то на Полянке существовала тайно масонская ложа, где, по ходившим

⁴⁵ *Розенкрейцеры* – члены религиозно-мистических обществ XVII–XVIII вв., названных по имени их легендарного основателя Х. Розенкрейца.

в городе слухам, мастером стула был известный в то время проповедник одной из церквей на Арбате.

В шестидесятых годах на Мясницкой улице, напротив почтамта, в доме бывшем Кусовникова, существовал целый ряд комнат со всеми атрибутами и украшениями прежнего масонства. Владельцы этого дома, очень состоятельные, но скупые старики, муж с женой, поселившиеся без прислуги в доме тотчас по уходе французов из Москвы, с переездом в дом и войдя в первую из таких масонских зал, обитую всю черным, со скелетом в углу и с ремешками на стенах, как они называли иероглифы, из суеверного страха и перепуга так и не решились обойти всех комнат, а заблагорассудили заколотить двери навсегда.

Оригиналы-старики прожили в доме более пятидесяти лет, ни разу не переступив порога таинственных и страшных комнат фармазонов⁴⁶.

А. А. Мартынов⁴⁷ говорит, что дом Кусовниковых ранее более восьмидесяти лет был во владении Измайловых, и позднее, когда перешел к последним владельцам, то многие годы являл собою вид запустения и одичалости в центре московского движения: ворота его редко растворялись, на дворе виднелся обширный огород. Владельцы его вели жизнь загадочно отшельническую, не имели прислуги, кроме дворника, и выезжали кататься лишь по ночам. В Москве об этом доме ходило немало толков.

⁴⁶ Фармазоны – франкмасоны (*фр.* franc-maçons – «вольные каменщики»), то же, что масоны.

⁴⁷ См. «Русский архив», 1878 г., ч. I, с. 158.

Обнародование манифеста о коронации Екатерины II на Соборной площади Кремля 18 сентября 1762 года. А. Мельников с гравюры А. Колпашникова по оригиналу Ж. Девельи и М. Махаева. 2-я пол. XIX в.

Глава V

Второй приезд Екатерины в Москву. – Село Коломенское. – Последний приезд Екатерины в Москву. – Анненгофский сад и дворец. – Празднества во время пребывания Екатерины в Москве. – Сокольничье поле. – Сокольники и их прошлое. – Народные празднества при императоре Александре I. – Первое мая в Сокольниках в старину. – Дача графа Ростопчина. – Начало московских народных гуляний. – Старые кустмейстеры, балансеры, великаны, скоморохи, гусяры и проч. – Гулянье на Масленице. – Кулачные бои. – Санное катанье и маскарад.

В конце июня 1787 года Москва снова увидела Екатерину II. Императрица приехала в древнюю столицу на возвратном пути своего путешествия из Крыма. В Москве государыня намеревалась отпраздновать двадцатипятилетие своего царствования. Екатерина ехала с блестящей свитой, при ней были три посланника: английский – Фритц Герберт, французский – Сегюр и австрийский – Кобенцел. Государыня в шутку называла их своими карманными министрами. Затем в свите были еще князь де Линь, граф Ангальт, и в числе других замечательных лиц, сопровождавших государыню в путешествии, находились графы Чернышев, Безбородко и Дмитриев-Мамонов. Последнего государыня называла «красным кафтаном» (Habit rouge). «Под этим красным кафтаном, – говорила она, – скрывается превосходнейшее сердце, соединенное с большим запасом честности. Наружность его также совершенно соответствует внутреннему достоинству: черты лица правильны, чудные черные глаза с тонко нарисованными бровями, рост несколько выше среднего, осанка благородная, поступь свободная» и т. д. (Такой, как описывает императрица, блестящей наружности портрет графа Мамонова, кажется единственный, висит в Царскосельском дворце, в круглой агатовой комнатке; писан он карандашом на небольшой белой мраморной дощечке; молодой красавец изображен одетым в какой-то маскарадный костюм.)

Государыня, не доезжая десяти верст до Москвы, остановилась в селе Коломенском; приехав сюда, императрица уже нашла своих внуков, расположившихся здесь с начала июня месяца. Государыня остановилась во дворце, построенном в шесть месяцев. Начат он был почти в день выезда императрицы в путешествие. Стоял он на том же месте, где теперь стоит и нынешний, близ церкви Вознесения, но он был гораздо обширнее теперешнего.

По рассказам коломенских старожилов, здание Екатерининского дворца занимало большую часть той площади, которая теперь находится между воротами Вознесенской и Георгиевской церковью и садом, примыкающим к одноэтажному павильону, находящемуся на левой стороне нынешнего дворца. Екатерининский дворец был о четырех этажах: два нижних были каменные, а верхние – деревянные.

Около дворца стоял «Оперный дом», а против дворца через Москву-реку был деревянный мост. В этом дворце жила императрица, а с нею и внуки ее Александр и Константин. До сих пор еще в Коломенском живо предание о том, как учился под кедром Александр и как он с братом Константином стрелял из пистолета в Дьяковском овраге⁴⁸. Дворец, в котором жила Екатерина II, безжалостно приказал сломать бывший начальник Кремлевского дворца князь Н. Б. Юсупов и перевезти его в Кремль. Старый же дворец царя Алексея Михайловича, в котором родился Петр Великий, был сломан еще в 1767 году. В это время дворец был настолько ветх, что не было уже возможности поддерживать его, а потому императрица и приказала разобрать его; уважая отечественные древности, Екатерина приказала сделать вернейшую модель старого

⁴⁸ Существуют две старые гравюры с изображением дуба и кедра в Коломенском саду. На гравюрах надписи: Сей дуб присутствием Петровым украшался; Отец отечества под оным просвещался! Под кедром Александр здесь в юности своей Учению внимал – для счастья наших дней!

дворца, которая, как пишет А. Корсаков⁴⁹, долгое время хранилась вместе с прочими редкостями в московской Оружейной палате, но где находится теперь – неизвестно⁵⁰. По рассказам Бергхольца, бывшего в нем 4 мая 1722 года, в нем было 270 комнат и 3000 окон. «В числе комнат есть красивые и большие, но все вообще так ветхо, что уже не везде можно ходить, почему наш вожатый в одном месте просил нас не ступать по двое на одну доску, и мы, конечно, не пошли бы, если бы нам об этом было сказано прежде; но он думал, что так как сам император еще недавно всюду ходил там, то и нас необходимо поводить. <...> Коломенский дворец, – добавляет Бергхольц, – построен 60 лет тому назад отцом его величества, который и сам не далее как за 27 лет еще жил в нем и потому назначил теперь известную сумму на его возобновление». В петровское время в летнее время в селе Коломенском стояло до 31 000 солдат лагерем.

Коломенские плодовые сады, скотный и птичий дворы были первые в России. Все празднества, бывшие во время коронации Екатерины I, Петра II, Анны и Елисаветы, устраивались в этом дворце. Император Петр II часто ездил сюда на охоту, а в 1729 году провел здесь все лето. Особенно императрица Елисавета Петровна заботилась о поддержании и сохранении дворца своего деда, где в то время хранилась и колыбель великого ее родителя. Императрица, живя в Москве, любила приезжать в Коломенское с знатнейшими лицами своего двора и угощала их там столом по старинному царскому положению.

Императрица Екатерина также очень любила Коломенское и поэтически описывала его в своих письмах, хотя и говорила про него, что Коломенское относится к Царскому Селу, как плохая театральная пьеска к трагедии Лагарпа. Императрица прожила в Коломенском три дня, и в воскресенье, 27 июня, накануне дня своего вступления на престол, утром в десятом часу был назначен парадный въезд в столицу. Поезд открывал впереди всех земский исправник Московского округа с заседателями и полицейскими драгунами, за ним ехал почт-директор с своими чиновниками и почтальонами верхом, потом конвойная губернская команда, выборные из дворянства, почетные дворяне верхом и затем уже карета императрицы, впереди которой шли два скорохода, а за ними двенадцать пар ординарцев, карета в восемь лошадей цугом, у стекол стояли великаны; государыня сидела с великими князьями, а сзади кареты ехал московский губернатор генерал-майор Петр Васильевич Лопухин.

По приближении государыни к городским воротам встретили императрицу главнокомандующий московский П. Д. Еропкин с генералами и прочими высшими чинами и поехали в свите по бокам ее кареты, за ними уже следовали в придворных каретах чужестранные министры и придворный штат, составлявший свиту императрицы. У самой Серпуховской заставы были устроены триумфальные ворота с разными символическими и аллегорическими изображениями; в боковых нишах ворот помещались два оркестра музыки: инструментальный и вокальный.

Здесь же ожидали прибытия императрицы все городские власти, именитое купечество, ремесленные цехи со старшинами, и от первых стояли городской голова и выборные с хлебом-солью. Когда поезд подъехал к воротам, городу было дано знать 51 выстрелом из пушек, поставленных у заставы; с приближением же кареты императрицы к воротам раздалась музыка и послышалось пение кантов, на приезд государыни сочиненных. По принятии государынею хлеба-соли кортеж двинулся дальше. У каменного Всесвятского моста императрицу ожидали директор главного народного училища с учителями и учениками, поставленными по обеим сторонам улицы. Лишь только императрица проехала мост, городскою артиллериею был произведен 101 выстрел и во всей Москве раздался колокольный звон.

⁴⁹ План старинного царского дворца в Коломенском приложен к книге Малиновского «Исторические сведения о селе Коломенском». Москва. 1809 г.

⁵⁰ См. А. Корсакова: «Село Коломенское».

При въезде Екатерины в Воскресенские ворота заиграла поставленная на них бальная, а на гауптвахте – полковая музыка. В Спасских воротах, где ожидал ее московский обер-комендант с своими чинами, играла гарнизонная музыка.

Государыня отправилась в Успенский собор, где была встречена архиепископом Платоном с духовенством. По окончании литургии государыня прикладывалась к святым иконам и мощам. Г. Любецкий передает следующий любопытный рассказ о наречении в этот день Платона митрополитом. Протодиакон получил во время литургии тайное повеление императрицы: при словах «преосвященнаго Платона, приносящаго Св. Дары Господеви и Богу нашему», провозгласить его митрополитом. Платон, думая, что протодиакон ошибся, заметил ему это из алтаря, но когда тот снова повторил то же самое, тогда Платон догадался, в чем было дело. Он выступил в царские двери, поклонился государыне и отблагодарил ее импровизованною речью.

После обедни императрица посетила Платона и потом со свитой отправилась к главнокомандующему Москвы, где был приготовлен для государыни и всех высших особ обеденный стол.

А. Корсаков говорит: «Это был четвертый и последний триумфальный въезд наших государей из Коломенского в Москву. Был еще пятый въезд, но это был нерадостный, встреченный с горем и плачем и с унылым звоном колоколов московских. То был печальный поезд, тянувшийся из Таганрога с прахом Александра Благословенного».

Екатерина II в свой приезд 1787 года остановилась в Пречистенском дворце, в первые же приезды в Москву государыня жила в Головинском дворце, против Немецкой слободы, за Яузю. Последний дворец существовал еще при императоре Петре Великом; при этом государе голландец Тимофей Брантгоф разводил здесь сад.

Императрица Анна Иоанновна очень любила этот сад и приказывала даже называть его своим именем – «Анненгоф». Когда эта государыня в первое время жила здесь, то перед дворцом лежал один только большой луг и не было ни одного деревца.

Раз императрица, гуляя со своими приближенными, сказала: «Очень бы приятно было гулять здесь, ежели бы тут была роща: в тени ее можно бы было укрыться от зноя». Несколько дней спустя было назначено во дворце особенное торжество по случаю какой-то победы. Императрица, встав утром рано, по обыкновению подойдя к окну, чтобы посмотреть на погоду, была поражена удивлением: перед глазами ее стояла обширная роща из старых деревьев.

Изумленная царица потребовала объяснения этого чуда, и ей доложили, что ее придворные, которым она несколько дней тому назад, гуляя по лугу, выразила свое желание иметь здесь рощу, воспользовались мыслью государыни и тогда же вечером разбили луг на участки, и каждый, кому какой достался по жребию участок, со своими слугами в одну ночь насадил его отборными деревьями.

П. Львов, у которого мы заимствуем это предание, говорит, что еще в его время здесь были деревья, на которых можно было видеть имена придворных, которые их сажали. Глинка говорит, что роща, принадлежащая к дворцу, была будто бы насажена еще самим Петром Великим и что государь здесь лично делал окопы; место же под сад взято у Лефорта.

В Анненгофский сад были выписаны разных родов деревья из Персии; но все эти заморские растения от худого присмотра погибли в дороге, не прибыв еще в Москву. По отчетам садовника Дениса Брокета, для этого сада часто были покупаемы у жителей Немецкой слободы тюльпаны, нарциссы, лилии и другие цветочные и луковичные растения.

Из производства интендантской канторы, в которой состоял Анненгофский сад и дворец, видно, что ежегодно на содержание сада и устройство его отпускаема была сумма в 30 000 рублей. Заведовали ими обер-гофмейстер Сем. Андр. Салтыков и обер-архитектор Расстрелли. Кроме того, ближайшим смотрителем над строением Анненгофских садов был архитектор Петр Гейден. В Анненгофских садах, кроме главного садовника, находился смотритель

из военных. Таковым был в 1741 году подпрапорщик Афанасий Федоров с жалованьем по 1 рублю в месяц.

Интересны также существовавшие тогда цены на растения. Так, из справки видно, что крестьянин Филатов обязался перевезти в новый Анненгофский сад из вотчины князя В. Урусова, Московского уезда, из села Садков – Знаменское тож, по Серпуховской дороге, в 17 верстах от Москвы, из рощи липовых деревьев штамбовых 2000, шпалерных 1000 и более, ценою с вырыванием и перевозкою: за штамбовые по 6 рублей, а за шпалерные по 3 рубля за сотню. В 1741 году весною крестьянин цесаревны Елисаветы Петровны доставил для посадки в новый сад разные деревья толщиною «в рублевик» и «в полтинник», а именно: ильмы по 6 копеек за дерево, ясени по 6 копеек за дерево, клен по 3 рубля за сто, орешник толщиною «в полтинник» по 1 рублю за сто. Садовые ученики получали жалованье в треть по 5 рублей. Они носили мундир: «кафтаны серые, камзолы красные, штаны козлиные».

Из таких же отчетов и описей Анненгофского сада видим, что в те годы в саду было девять прудов с рыбою и несколько беседок; также там стояли каменные статуи Венус, Самсон, сфинксы золоченые и проч.

О пространстве, какое занимал Анненгофский сад, точных указаний нет. Впрочем, об обширности его можно судить из того, что в 1740 году наряжены были главною дворцовою канцеляриею дворцовые крестьяне из сел Троицкого-Голенищева, Измайлова, Коломенского, Софына и Братовщина для перевозки в сад одного только навоза из Остоженских конюшен.

В каких размерах здесь были устроены оранжереи, можно заключить из того, что на отопление их отпускалось ежемесячно 45 сажен.

Вскоре после кончины Анны Иоанновны деревянный дворец сгорел. Следы этого дворца существовали еще в двадцатых годах нынешнего столетия; П. С. Валуев, бывший президент кремлевской экспедиции, устроил на фундаменте этого дворца галерею и беседку. В двадцатых годах нынешнего столетия здесь было самое модное гулянье. Императрица Елисавета Петровна приказала недалеко от старого дворца построить новый, тоже деревянный. Дворец этот в народе стал называться Головинским; название это произошло оттого, что как строитель дворца, так и поставщик материалов для дворца оба носили одну фамилию – Головин.

Во время чумы в Москве в этом дворце поселился присланный из Петербурга князь Гр. Орлов, но чуть ли не на третий день по его приезде Головинский дворец, как мы уже говорили, сгорел до основания. Одни полагали, что дворец сгорел от неосторожности во время топки камина, другие же уверяли, что от поджога. Императрица Екатерина II наместо прежнего деревянного приказала построить каменный, назначив строителем знаменитого русского зодчего В. И. Баженова. Как план Головинского дворца, так и все украшения в нем были рассматриваемы и утверждены Екатериною II. Все эмблемы лепной работы, которые были над окнами и дверями в большой зале, были избраны императрицею, и каждая из них представляла торжество какой-нибудь добродетели.

Император Павел I приказал этот огромный каменный дворец превратить в казармы, поместив в нем четыре батальона московского гарнизонного полка, и назвать дворец Екатерининскими казармами. В 1812 году Головинский дворец был почти разрушен французами и только в 1823 году возобновлен и перестроен под надзором генерал-майора Ушакова, директора Смоленского кадетского корпуса, а в следующем, 1824 году, по воле императора Александра Благословенного, из Костромы сюда переведен Смоленский кадетский корпус (бывшее Псковское благородное училище), что теперь Первый Московский кадетский корпус, столетний юбилей которого праздновался лет десять тому назад.

Но, возвращаясь к пребыванию Екатерины II в Москве, мы видим, что с приездом императрицы празднества и торжества пошли каждый день зауряд. Тогдашнее вельможное барство древней столицы один перед другим старалось отличиться своими балами. Кроме таких праздников, государыня часто совершала увеселительные поездки на загородные гулянья, как,

например, Сокольничье поле. Здесь в те времена обыкновенно собирались цыгане, кочевавшие тогда на Филых; тогдашние цыгане ходили в своих ярких национальных одеяниях: мужчины – в кафтанах с перехватами и широких восточных шальварах, а женщины – в ярких разноцветных платьях с перекинутыми на одно плечо алыми, выцветшими шальями и с золотыми монетами в ушах вместо серег.

Государыня ездила со всею пышностью: впереди, перед каретою ее, ехал взвод лейб-гусар в блестящих мундирах, сзади сопровождал ее подобный же конный отряд гвардейской свиты; поздно вечером путь императрицы освещался факелами. Появление государыни на какой-нибудь улице производило полное волнение в народе, всюду неслись восторженные крики, и толпа кидалась бегом провожать царицын поезд.

Нередко государыня посещала и Сокольничью рощу. В Сокольниках, на немецких станах, особенно шумно праздновался день 1 мая городскими жителями. Обычай здесь праздновать первый день весны шел со времен Петра Великого. Сокольничья роща была частью Лосиногского острова, где издревле русские государи любили потешаться звериною и соколиною охотой. В народе это гулянье слывет под именем «немецкого стана, или немецких столов». Предание гласит⁵¹, что здесь было первое становище немцев, вызванных и добровольно приехавших в Россию и поселившихся в Немецкой слободе, известной под финским названием Кукуя, или Кукуй.

Сюда на новоселье немцы собирались вспоминать родной свой праздник «первое мая». Любопытство привлекало сюда и русских, у которых впоследствии и обрусел этот чужестранный праздник, но название «немецких станов» удержалось. Когда в Москву приведены были пленные шведы, Петр I, поселив их близ Сокольничьей рощи, роздал знающим разные мастерства в науку русских мальчиков, которые помещены были в матросской фабрике в Преображенском селе. У царя стоял дворец в Сокольничьей роще; в сороковых годах нынешнего столетия были еще целы старые липы царской посадки; стояли они в саду Чориковой дачи.

Здесь государь угощал немецких и шведских мастеров по обычаю их страны, своими столами. Это угощение и прослыло «немецкими столами» и из немецкого гулянья сделалось чисто русским народным гуляньем «первого мая». Существует предание, что государь здесь устраивал воинские потехи с примерными сражениями, осадой и взятием крепостей и сам с ними участвовал в ратоборствах. При дочери Петра, императрице Елисавете, это гулянье пользовалось особенной популярностью. Так, в 1756 году здесь было столько народу, что прогуливаться не было возможности. Карет было в этом году более тысячи.

На Сокольничьем поле император Александр I давал три дня сряду праздник своему народу после коронации. В этот день на обширном поле устроены были беседки и галереи в разных стилях; стояли столы, целые быки мяса с золотыми рогами; жареные гуси, утки, индейки, как плоды, висели на деревьях; винные и пивные фонтаны били без устали; стояли полные вином сороковые бочки и т. д. Государь приехал на гулянье в исходе первого часа, заиграла музыка, и с криком «ура!» все столы опустели, и весь сад с яствами исчез, и даже от быков ничего не осталось; только еще фонтаны продолжали бить вином, народ пил из них шляпами, другие подставляли прямо рты к фонтанам. Государь ездил верхом посреди рядов народа и приветливо обращался к толпе со словами: «Кушайте, будьте довольны!» «Довольны, очень довольны, ваше императорское величество, – отвечал ему один отставной служивый гвардеец времен Екатерины, – тебе только так угощать нас, в тебе, государь, мы видим нашу матушку-царицу!» По преданию, порядок в этот день царствовал образцовый, не было ни одного скандала, праздник кончился благополучно. Все это произошло благодаря заботливой распорядительности обер-полицеймейстера Каверина и двух полицеймейстеров – Ивашкина и Алексеева.

⁵¹ См. Ив. Снегирева: «Русские простонародные праздники».

На этом народном празднике отличился со своею труппою вольтижеров известный в то время привилегированный береитор Петр Магио.

В первые годы царствования императора Александра в Сокольниках праздник «первого мая» выходил необыкновенно разгульным и многолюдным.

На это народное гулянье приезжали почти все тогдашние вельможи и разбивали здесь свои турецкие и китайские палатки с накрытыми столами для роскошной трапезы и великолепными оркестрами; рядом с такими сказочно пышными палатками в то время стояли простые, хворостяные, чуть прикрытые сверху тряпками шалаши с единственными украшениями – дымящимся самоваром, со сбитнем и простым пастушьям рожком для аккомпанемента поющих и пляшущих поклонников алкоголя.

С. П. Жихарев в своих воспоминаниях говорит: «Сколько щегольских модных карет и древних, прапрадедовских колымаг и рыдванов, блестящей упряжи и веревочной сбруи, прекрасных лошадей и претощих кляч, прелестнейших кавалькад и прежалких дон-кихотов на прежалчайших росинантах!»

Описывая одно из таких гуляний 1805 года, он упоминает про палатку своего знакомого Е. Е. Ренкевича, у которого он нашел прекрасное общество и роскошное угощение. Палатка эта была поставлена на самом бойком месте, несколько наискось против палатки главнокомандующего и других вельмож; отсюда все гулянье, на всем его протяжении в обе стороны, было видно. Между тем народ, наиболее тут толпившийся, нетерпеливо посматривал к стороне заставы и, казалось, чего-то нетерпеливо поджидал, как вдруг толпа зашевелилась и радостный крик: «Едет! Едет!» пронесся по окрестности. И вот началось шествие необыкновенно торжественного поезда, без которого, говорили, гулянье «первого мая» было бы не в гулянье народу. Впереди на статном фаворитном коне своем Свирепом ехал граф А. Орлов в парадном мундире и обвешанный орденами. Азиатская сбруя, седло, мундштук и чепрак были буквально залиты золотом и украшены драгоценными камнями. Немного поодаль, на прекраснейших серых лошадях, ехали дочь его и несколько дам, которых сопровождали А. А. Чесменский, А. В. Новосильцев, И. Ф. Новосильцев, князь Хилков, Д. М. Полторацкий и множество других неизвестных мне особ. За ними следовали береиторы и конюшие графа, не менее сорока человек, из которых многие имели в поводу по заводной лошади в нарядных попонах и богатой сбруе. Наконец, потянулись и графские экипажи: кареты, коляски и одноколки, запряженные цугами и четверками одномастных лошадей. Проезжая мимо палатки Ренкевича, А. А. Чесменский приглашал всех находящихся в ней дам к графу на сегодняшнюю скачку.

В начале нынешнего столетия у Сокольничьей заставы стояла знаменитая дача графа Ростопчина. Спустя сорок лет после нашествия французов от этой роскошной барской усадьбы оставались одни развалины дома и запустелый сад, по дорожкам которого росла трава и ездили иногда для сокращения пути проезжие в телегах.

Все московские гулянья прошлого века отличались от нынешних большим разнообразием и разгулом. И. Е. Забелин весьма верно замечает, что общее веселье тогда поддерживалось и общим участием москвичей, большинство которых не успело еще поставить себя выше народных обычаев и не только не чуждалось, но, напротив, принимало самое живое личное участие во многих забавах простого народа. Гулянья того времени еще во многом сохраняли те первобытные черты, в которых вполне отражалась старинная жизнь со всеми особенностями и оттенками; эти главные черты были: пьянство, пляски, кулачные бои и т. д.

Одним из центров каждого гулянья был большой шатер, известный в народе посейчас под кличкой «колокола». Из гуляющих редко кто проходил мимо шатра-колокола, верх которого украшался обыкновенно небольшим флагом и зеленою кудрявою елкою; внутри шатра стояли стойки с бочонками и разною питейною посудой, в числе которой потребительнейшая называлась «плошкою» и «крючком». Это была особая мера, в которой продавалось вино в разливку, и в старину не просили «на водку», а просили обыкновенно «на крючок».

Кроме большого шатра, на гуляньях стояли еще разного рода шалаши и палатки, крытые нередко рогожей и лубком. Здесь помещались трактиры, герберги, продавцы пряников, орехов, царьградских стручьев; также всюду на гуляньях виднелись столы, где дымились самовары с ароматным имбирным сбитнем, продавалась хмельная буза, полпиво и проч. В числе народных забав первое место занимали качели, затем карусели, нынешние детские коньки. Затем давались для народа и драматические представления, устраиваемые в лубочных балаганах, шалашах и других на скорую руку постройках.

Такие балаганы строились обыкновенно на Святой под Новинским и на Масленице на Москве-реке. Представления в таких театрах не отличались чистотою; героем комедии был шут или дурак со своими нецеломудренными рассказами и прибаутками. В числе народных зрелищ были еще кукольные комедии и райки, показываемые заезжими иностранцами; приезжали в Москву и разные немецкие шпрингеры, балансеры, позитурные мастера, кунстмейстеры, эквилибристы и великаны. В числе последних в 1765 году в Немецкой слободе показывался иностранец Бернард-Жилли; ростом он был в $3\frac{1}{2}$ аршина, во всем с пропорциональными членами и такой величины, что «не найдено еще человека, который бы свободно не мог проходить под его руку». Великан начал расти только с десятого года. Этот силач представлен был императрице в Царском Селе. Жил в те времена еще итальянец Швейцер в Немецкой слободе и показывал любопытствующим персонам повседневно разные курьезные действия собак и брал за смотрение по рублю.

Другой заезжий француз показывал человека, который был выброшен во время жестокой бури на остров Мартиник и три месяца питался камешками, дававшимися ему в пищу. Жила у Тайницких ворот у малороссиянина Репкова дочь, которая, трех лет от роду, играла на гусях 12 пьес по слуху, самоучкой. Показывалась также на Тверской, в екатерининское время, у жены Шаберта де Тардия, привезенная из Африки птица страус, которая больше всех птиц в свете, чрезвычайно скоро бежит, имеет особенную силу в когтях, на бегу может схватить камень и так сильно оным ударить, как бы из пистолета выстрелено было; она же птица ест сталь, железо, разного рода деньги и горящие уголья. За смотрение благородные платили по своему изволению, а с купечества брано было по 24 копейки; простому же народу объявлялась цена при входе.

В числе древнейших народных забав на гуляньях можно было встретить медведя с козю. Затем также на старинных гуляньях славились игрою на рожках тверские ямщики; они же «оказывали весну разными высвисты по-птичьи». Эти простые мужички составляли целые хоры самых разнообразных птичьих голосов, начиная от нежной малиновки до соловья.

Кроме описанных удовольствий, на старинных гуляньях можно было встретить и «собачью комедию». С такою ученою комедиею на Москве в 1766 году был итальянец Иозеф Швейцер: с некоторым числом больших и малых собак, приученных к разным «удивительным действиям», давал он представление в Немецкой слободе, в доме графа Скавронского. За смотра «оных действий» брал сперва по рублю с персоны, но затем позднее и 50 копеек, а с «подлого» народа по 10 копеек с человека.

Давало свои представления в этом же году на придворном театре в Головинском дворце «собрание разных искусников, танцующих по веревке, прыгающих, ломающихся и представляющих пантомиму». Приезжал также в Москву французский королевский механик господин Тезие с удивительною физической и оптической машиной, посредством которой он перспективным представлением по правилам архитектуры показывал города, замки, церкви, сады, гавани, триумфальные ворота и прочие любопытства достойные вещи, которые зрителей довольно приводят в удивление. В 1764 году в Москву наезжал английский берейтор Батес и производил свои «конские ристания».

На Кисловке, близ Никитского монастыря, в доме купца Телепнева, «показывал свое искусство с разными удивительными штуками маленький безногий человек». В Немецкой сло-

боде, в доме француза Мармсона, можно было видеть «весьма любопытную машину, называемую оракул».

В Старой Басманной, против Разгуляя, в доме парикмахера Карла Шлаха, была машина, которая изображала статуи в движении, «как натуральные люди работают на горах, подкопах и ямах для сыскания руды серебряной и золотой».

Показывал также в Немецкой слободе, в Чоглоковом доме, голландский кунстмейстер Сергер штуки с Цицероновою головою и прочими большими итальянскими двухаршинными куклами, которые разговаривали, представлял комедию о «докторе Фавсте», а также у него и ученая лошадь «по-прежнему действовала».

Тот же Сергер пред Рождеством объявил, что у него, в доме Трубникова, на Дмитровке, начнется новая комедь из больших итальянских марионеток, которая будет называться «Храбрая и славная Юдифь».

Французский механик Дюмолин показывал удивительную машину, которая «одним разом шесть лент тклет, и самодельную канарейку, которая поет разные арии»; у этого же механика показывалась движущаяся лягушка, которая знает время на часах и, показывая оное, плавает в судне. Показывалась также и голова в натуральную величину, движущиеся действия которой так натуральны, что всех зрителей устрашает.

Помимо итальянских марионеток, или кукол, были и русские скоморохи, которые разыгрывали роли, наряжаясь в скоморошное платье, надевали на себя хари, или маски; некоторые из них носили на голове доску с движущимися куклами, поставленными всегда в смешных и часто в соблазнительных положениях; но больше всего они отличались и забавляли народ прибаутками, складными рассказами и красным словцом. Были между ними глумцы и стихотворцы-потешники. Тешили народ такие скоморохи также и музыкой. В то время еще старых национальных инструментов было несколько; так, например, гусли, гудки (ящики со струнами), сопелки, дудки, сурьмы (трубы), домвры, накры (род литавр), волынки, ленки, медные рога, барабаны, бубны, торбаны и проч.

Самое многолюднейшее гулянье в Москве в старину было на Масленице; главное гулянье на этой неделе сосредоточивалось на Москве-реке, и особенно на Неглинной, где теперь фонтан перед Кремлевским садом, потом еще за Кузнецким мостом на Трубе. Летом здесь текла Неглинная и было непроходимое болото, а зимой это место, как широкая площадь, представляло много удобств для постройки масленичных гор и кулачных боев, без которых в старину, как мы уже говорили, в Москве не проходило ни одного зимнего праздника.

Борьба и кулачный бой составляли одну из первых и любимых забав народных в Сырную неделю: на улицах и на реке бились «сам на сам», или один на один. Это – бой стеной, стенка на стенку. Такие единоборческие потехи назывались в летописях «играми, игрушками», и их давали наши великие князья.

Для примерных битв составлялись две враждебные стороны; по данному знаку свистком обе стороны бросались одна на другую с криками; для возбуждения охоты тут же били в накры и в бубны. Бойцы поражали друг друга в грудь, в лицо, в живот, и сразу сбить противника на землю называлось «снять с чистоты». В то время бились неистово и жестоко, и очень часто многие выходили навек калеками, а другие оставались на месте мертвыми. Катанье на санях по улицам начиналось с понедельника, а более с четверга на Сырной неделе; вечером в эти дни ездили целыми вереницами, а народ катался с песнями.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.